

Александр Воевода

*Неизвестный со станции
Титлин*

16+

Александр Воевода

Неизвестный со станции Титлин

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Воевода А. Н.

Неизвестный со станции Титлин / А. Н. Воевода — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

В недалеком будущем на одном из блокпостов к военным попадает разыскиваемый преступник, который ранее был одним из обитателей научной станции Титлин. Дознавателям крайне интересно узнать его версию событий того, что произошло на станции, которая разделила историю человечества на "до" и "после".

Александр Воевода

Неизвестный со станции Титлин

Проснись!

1.

Грубое горячее покалывание сменилось прохладным ветерком. Кончики пальцев онемели от резкого перепада температур.

– Все закончилось. Ты жив. Можешь открывать глаза.

Слишком живой труп

2.

– Как давно он у вас? – капитан Вильт устало почесал успевшую пробиться за четыре часа сна щетину и прислонился спиной к стенке лифта, который стремительно опускал его вниз, ближе к камере допросов.

– Не более получаса, – планшетка в руках младшего сержанта, которого приставили к нему в качестве сопровождения, нервно дергалась скорее всего тоже от недосыпа. – Как только его взяли, вызвали вас.

– Что в нем такого?

– А вам не сказали? – сержант удивлённо посмотрел на него.

– Меня разбудили посреди ночи, сказав только то, что к вам доставили (и почему они появляются именно ночью!) подозрительный объект, требующий немедленного допроса и... подтверждения идентификации, – раздраженно отозвался Вильт. – Что это вообще означает? Кокнули чип? Или перестали верить АСУПИ? Она вроде бы еще не лажала...

Лифт остановился и послышался женский синтетический электронный голос:

– Этаж №14. Уровень защиты бордовый. Требуется получение авторизации.

Вильт вышел вперед под лучи голографического сканера. Мелкая зеленая сетка лазерных лучей проникла сквозь его тело и со статическим пощелкиванием прошла снизу вверх и обратно.

– Капитан службы внутренней защиты Генри Сайрус Вильт.

Система одобрительно взвизгнула, и двери лифта разъехались в разные стороны, открыв проход к обзорному панорамному окну.

– Добро пожаловать в Отдел Неавторизированной Миграции Населения станции Гельзенкирхен¹, капитан Вильт, – произнес электронный голос.

Сержант вышел из лифта первым, Вильт последовал за ним. Они подошли к окну. Взгляду капитана представилась сеть из абсолютно белых коридоров, которые располагались на полтора яруса ниже смотрового окна. Они, прикрытые прозрачным стеклянным потолком, словно муравьиная ферма со всеми ее сложными тоннелями ходов, были практически безлюдны. С ночи, или точнее будет сказать, с утра здесь было совсем не много людей. В основном – военные, представители защитных служб, служб внутренних интересов, чиновники различных мастей, так или иначе связанные с тайнами и секретами воинских ведомств.

– Нам вниз, – оторвал его от размышлений сержант.

Вильт повернулся к узкой лестнице, ведущей на уровень, над которой красовались идеальные по своей форме (как и все военное) черные буквы «ОНАМН».

– «Отдел Неавторизированной Миграции Населения», – протянул он. – Как будто люди – какой-то скот...

Сержант ничего не ответил, предпочитая сделать вид, что не расслышал недопустимых мыслей вслух.

– По какой причине вызвали меня? – повторил свой вопрос Вильт, когда они уже спустились на уровень. – АСУПИ, вроде, в порядке, скан работает. Меня, по крайней мере, он просканировал безупречно.

– Я знаю не больше вашего, капитан, – сержант открыл дверь и впустил его вперед в режущие своей белизной коридоры уровня. – Мне приказали просто встретить вас и привести сюда. Что вас ожидает – вне моей компетенции.

– Пешка значит? – вздохнул Вильт. – Что ж, порой мне хочется тоже ничего не знать, а лишь встречать и конвоировать людей...

Сержант опять проигнорировал его слова, как и следовало прилежному солдату.

Вильт осмотрел коридор. Всю эстетичность и стерильность уровней нарушали только сероватые двери, памятки, развешенные на дверях и стенах, и какая-то несуразная сине-черная статуя, больше похожая на раскрашенный панками булыжник, в стиле современного дурдома в головах скульпторов в одном из концов коридора. Невежественное украшение тупика выглядело варварски не к месту.

– Er war von den kindern von 23 stock abgenommen...²

Вильт обернулся на голос. К нему спешил полный невысокий человек в светлом костюме-тройке, пиджак был небрежно расстегнут, а пуговицы клетчатого жилета напряженно натянулись на выдающемся вперед пузе, из-под тугого ворота рубашки торчала круглая голова с минимальным количеством волос – их хватило только на то, чтобы прикрыть затылок и уши. Маленькие глазки под толстой прозрачной стенкой очков испытующе осматривали Вильта.

– Полагаю, вы – капитан Генри Вильт? – толстяк протянул ему пухлую руку. – Я заведующий ОНАМН Гебхарт Лейнциг.

Капитан пожал его руку, заметив, что рукопожатие для человека такой комплекции у Лейнцига вполне сильное. Под жировыми складками могли скрываться вполне рабочие мышцы.

– Очень приятно, – капитан кивнул на статую, дабы проявить свои манеры и поддержать разговор, который был ему совершенно безразличен. – А что это собственно такое?

– Как? Вы не узнаете? – Лейнциг удивленно посмотрел на своего собеседника. – Это экзоскелет³ в собранном состоянии, капитан! Отголосок военных действий. Трофей!

Только сейчас Вильт сумел разглядеть в уродливом сине-черном кубе элементы, которые при разборке выдавали бы экзоскелет. Грубые устаревшие линии направляющих были плотно закрашены синей краской, местами он был укутан в непонятную серо-черную ткань, которую можно было разглядеть лишь при ближайшем рассмотрении. Вильт никогда не видел такого рода экзоскелеты.

– Он бы эстетичнее смотрелся в разобранном состоянии...

Капитан, наконец-то оторвал взгляд от предмета, к которому он уже успел потерять интерес.

– Увы, не все военные трофеи можно разобрать грубой силой, – улыбнулся Лейнциг. – Как вы, наверное, знаете, многие трофеи, оставшиеся после военных действий, не поддаются ни починке, ни попыткам детального разбора без вероятности уничтожения объекта, но при этом не теряют свою историческую ценность.

– Но ведь я здесь не ради устаревших экзоскелетов?

– О, конечно же, нет.

Лейнциг повернулся к сержанту, тот лениво протянул ему планшетку. Заведующий ОНАМН прикоснулся к ней своим большим пальцем-сосиской, и экран загорелся голубой подсветкой.

– Вот так, голубчик, – засмеялся он. – Теперь капитан под моей опекой, а ты – свободен.

Сержант забрал планшетку обратно, утвердительно кивнул и скрылся за дверью, из которой вышел несколько минут назад.

3.

– Так в чем же дело?

Лейнциг и Вильт неспешно шли по длинному коридору уровня. Темп задавал заведующий ОНАМН: либо увесистый живот не позволял двигаться чуть более расторопно, либо он хотел ввести капитана в ход событий до того, как они доберутся по лабиринту коридоров до места назначения. В любом случае Вильту приходилось сдерживать свою армейскую прыть и идти намного медленнее, чем того требовали военная выправка и годы одиночества.

– Вас знакомят чуть более детально в допросной, – протянул Лейнциг. – Но вкратце я могу ввести в курс дела уже сейчас.

Они свернули в другой коридор, путь им преградила стеклянная стена. Если бы не табличка, прикрепленная к ней, в холодную плоскость спокойно можно было бы врезаться. А так табличка, висящая в воздухе, настораживала, забирая на себя все внимание. Она гласила на родном Вильту английском: «Внимание, контрольно-пропускной пункт!»

– Гебхарт Лейнциг, – быстро произнес заведующий, и стекло мгновенно испарилось, оставив после себя едва заметную щель в полу.

Они прошли дальше. С легким щелчком стекло вернулось на место.

– Их тут много, все коридоры усеяны. Мера безопасности. Стекло бронированное, много тончайших слоев и волокон, даже лазером не сразу пробьешь, – заведующий взглянул на бесстрастное лицо Вильта и тут же осекся. – А ну, да, кому я рассказываю. Вы, наверное, и не такие видели.

– Вы хотели ознакомить меня с делом.

Лицо Лейнцига сразу приобрело суровый, серьезный оттенок. Сам факт того, что Вильт шел по этому коридору, говорил о том, что у заведующего возникли проблемы. То есть, о его некомпетентности в определенного рода делах – камень в родной огород. Вильт неосознанно напомнил ему об этом.

– Около получаса назад на западном КПП взяли подозрительного субъекта без документов – пытался пройти мимо станции или же попасть на нее... в любом случае даже не представляю, на что он рассчитывал.

– У вас есть АСУПИ, – спокойно ответил Вильт. – В чем проблема? Она проведет идентификацию его личности, а потом отправите его в отдел внутренней безопасности, где он, наверняка, пройдет как предатель или террорист.

– Было бы неплохо, – вздохнул Лейнциг. – Вот только существует небольшая загвоздка.

– И какая же?

– АСУПИ считает, что он – Гжегож Слачник – охранник со станции Титлин.

Вильт нахмурился, но все же не сильно удивился известиям. Обитатели станции Титлин, словно вши, всплывали то там, то здесь. Обычно от них старались побыстрее отделаться, как от болячки.

– Щепетильная ситуация, – наконец, сказал он. – Однако насколько я знаю, процедура не меняется. Опознание проведено – дальше отдел внутренней безопасности. Не вижу препятствий следовать так, как прописано в процедуре.

Лейнциг улыбнулся. И это не предвещало ничего хорошего.

– Поверьте, капитан Вильт, – прошептал он. – Вас бы не стали вызывать сюда среди ночи, если бы ситуация не была исключительной. Я слишком хорошо выполняю свою работу, чтобы так сильно ошибаться, – он выдержал паузу. – По данным со станции Титлин и данным АСУПИ, а она, прошу заметить, еще ни разу не ошибалась, сержант Гжегож Слачник – мертв.

Вот тут Вильту пришлось остановиться, чтобы осознать, что сказал его собеседник.

– Это не может быть сбой? – произнес он. – Две недели назад во Франкфурте произошла та же ситуация. При первом сканировании АСУПИ признала в библиотекаре человека с Титлина, также покойного. Перезагрузка и повторное сканирование все решили.

– Капитан Вильт, – Лейнциг отрицательно покачал головой. – Мы проверяли двадцать шесть раз. И АСУПИ выдавала каждую попытку один и тот же результат: перед нами покойный сержант Гжегож Слачник со станции Титлин. И выглядит он болезненным, но достаточно живым.

4.

АСУПИ – Автоматическая система управления, подтверждения и идентификации – очень редко ошибалась. На памяти Вильта это случилось всего один раз. Тот библиотекарь тогда не на шутку перепугался, когда его окружили люди в форме, держащие его голову под прицелом. А кто бы не перепугался? Но повторное сканирование в пункте содержания подозреваемых все расставило по своим местам. Нужно отметить, что произошло оно только через двадцать минут, когда пришли первичные данные по человеку с Титлина, за которого его приняла АСУПИ. Он оказался совершенно не похож на библиотекаря, даже в приблизительном словесном описании. Тогда решили проверить еще раз, и вот тут АСУПИ не подвела. После этого инцидента решено было проводить повторное сканирование, даже если система показывает, что все в порядке, ведь всегда остается возможность ошибки в пользу злоумышленника. Правда, больше инцидентов не происходило. Система была идеально сбалансирована и перепрошита⁴. Она не столько сканировала человека, сколько вылавливала в воздухе микрочастицы, ежесекундно отваливающейся от него кожи, и вычленила ДНК, после чего сравнивала со своими базами данных. Очень удобно на случай, если нет идентифицирующих документов. Удобно и безотказно. Было. До сегодняшнего дня.

Оставалось два варианта: либо система устарела и больше не пригодна в использовании, либо в ее базах данных закралась существенная ошибка.

– АСУПИ, – Вильт помассировал виски и болезненно поморщился – допрос еще не начался, а голова начинала монотонно гудеть – плохой признак.

– Капитан Вильт, – бесстрастно произнес электронный голос.

– Пошли запрос на биографию Гжегожа Слачника для его идентификации от моего имени.

Несколько секунд длилась тишина, после чего снова послышался голос АСУПИ.

– Отправлено.

– Прекрасно, – Вильт повернулся к Лейнцигу. – Это займет часа три. Досье всех, кто был на Титлине строжайше засекречены, чтобы их получить, понадобится изрядное количество времени, точнее от двух с половиной часов до трех. Десятки разрешений и инстанций.

– Не любите бюрократию, капитан?

– Ее любят только бюрократы, – усмехнулся он. – Но сейчас, при компьютеризации и тотальной дисциплине, они хотя бы предсказуемы и относительно быстры. Можно почти с твердой уверенностью угадать время на доступ к файлам, а не как раньше: толи через пару часов, то ли дней.

Они вошли в просторную комнату для допросов.

По сути, это была комната, внутри которой была еще одна комната с прозрачными стенами. Клетка в клетке. Посреди внутренней комнаты стоял стол, от центра которого тянулись тонкие цепи наручников к рукам единственного обитателя. Сложно было сказать какого он роста и комплекции: он полусидел-полулежал на стуле, обхватив свое тело руками, насколько этого позволяли оковы. Ему было около тридцати лет, уставшее, поросшее короткой щетиной лицо, осунулось и отекло. Он действительно выглядел болезненно, глаза покраснелись и неустанно слезились, губы и нос сильно опухли, лоб покрывала испарина, руки неестественно побелели. Он постоянно кашлял.

– Он нас слышит? – Вильт внимательно оглядел задержанного через стенку.

– Даже не видит, – протянул Лейнциг.

Вильт просмотрел первичное досье на Слачника: человек в камере более-менее соответствовал описанию. Честно говоря, даже самого Вильта можно было подогнать под это описание. Он еще раз мысленно проклял отсутствие фотографии в первичном личном деле – долбанная секретность, касающаяся выходцев со станции Титлин, значительно тормозила и усложняла дело.

– АСУПИ, просканируй и идентифицируй человека внутри камеры.

– Не доверяете нам? – удивленно спросил Лейнциг, пока система вновь проверяла задержанного.

– Просто проверка, – отозвался Вильт. – Чтобы самому убедиться.

Однако Вильт мысленно представил, как растянется лицо Лейнцига, если АСУПИ сейчас назовет совершенно другое имя. Карьерный провал и полный крах, этот образ почему-то согрел все нутро капитана живительным теплом.

– Сержант Гжегож Слачник, заместитель командира пункта наблюдения станции Титлин, – послышался голос АСУПИ.

Лейнциг как будто облегченно выдохнул. Проблема не в его недосмотре или грубейшей халатности его подчиненных.

– Что ж, – вздохнул Вильт. – У нас три часа. Давайте поговорим с нарушителем спокойствия. Включайте камеры.

5.

Когда Вильт вошел во внутреннюю камеру допросов, Слачник даже не дернулся. Он только медленно посмотрел на капитана и снова безучастно воткнул свой взгляд в свои же руки. Капитан оглядел его с ног до головы, за исключением потертой военной куртки и стареньких наручных часов с потрепанным ремешком из кожзаменителя, его одежда была обветшалым тряпьем, все рваное и в пятнах. Пикантную перчинку добавлял стойкий запах немытого тела и нестиранной одежды.

Однако Вильт даже не поморщился, на его веку приходилось иметь дело и не с таким отребьем, всегда оставляя при себе самообладание и дипломатические манеры. Он спокойно сел напротив задержанного.

– Здравствуйте, меня зовут Генри Вильт, – представился он. – Я здесь, чтобы поговорить...

– Чай, – хрипло произнес Слачник по-английски. – Черный горячий чай.

Вильт утвердительно кивнул, дивясь наглости задержанного. Хотя, если подумать, человек, сидящий напротив него, скоро будет казнен, как преступник против человечества, если не умрет до этого. Самое время нагнать.

Вильт повернулся к зеркальной стене, туда, где расположился Лейнциг и охрана.

– Будьте добры, принесите чай господину...

Он повернулся к задержанному, предлагая ему продолжить его фразу. Тот раздраженно поморщился.

– Слачник, – нехотя, проронил он. – Гжегож Слачник. Когда принесут мой чай?

Его голос был низким и гнусавым. Скорее всего, от того, что нос был под завязку забит. Несмотря на то, что Слачник безупречно говорил по-английски, Вильт уловил легкий восточноевропейский акцент.

– Уже несут.

– У вас еще вопросы? – Слачник смачно высморкался в черный помятый платок, больше похожий на тряпку механика.

– Вы родились... – начал было Вильт, но задержанный его тут же перебил.

– В Польше. В Кракове. В 1998 году. 1 марта, если быть точным. Человек из прошлого века. Но вас ведь не моя биография интересует?

– А что же меня интересует? – спокойно спросил Вильт, не поведя и бровью на резкость собеседника.

Слачник перегнулся к нему через стол. Капитан по глазам задержанного понял, что тому невероятно больно, однако он не издал ни звука.

– Титлин, – кивнул он. – Вот, что вас интересует.

– Вы так уверены?

Вдруг в дверь постучали, и она тут же распахнулась, в комнату вошел солдат с автоматом наперевес. В руках он держал поднос с чайником, чашкой и сахарницей. Выглядел он, безусловно, комично. Вильт чуть заметно улыбнулся. Слачник же не подал и виду. Солдат поставил поднос на стол и быстро вышел из комнаты.

– Титлин – это слово действует на всех вас, как красная тряпка, разжигая в вас интерес. Это как Зона 51⁵, только перевернувшая историю. Так что вы знаете про Титлин? – Слачник налил в чашечку чаю и дрожащими руками закинул два кубика сахара. – Только то, что это начало отсчета, не так ли?

– Информацию по станции Титлин засекречена, – спокойно ответил Вильт. – Но это совершенно не означает, что она отсутствует. И вопросы здесь задаю я.

– Бросьте, в моем случае ваша работа дознавателя заключается в ожидании подтверждения моей личности, – промышчал Слачник. – Чипа у меня нет, а ваша хваленая система по моему ДНК распознала во мне мертвеца. Если бы вам и вашим боссам не были интересны данные, которыми я могу располагать, вы бы просто ждали в комнате отдыха, когда придет нужная вам информация. После чего, возможно, даже сами бы меня ликвидировали, если я не отброшу коньки до этого...

Он остановился, закашлявшись. Большое количество слов, сказанных в эмоциональном порыве, вызвали у него боль и сухость во рту.

– Откуда вы знаете, что вас считали мертвым?

– Я уже три года, как выбрался с Титлина, – улыбнулся Слачник. – Я и еще человек двадцать. Вы думаете, что информация о моей смерти до меня не дойдет?

– Зачем тогда вы здесь? Вы могли бы прятаться и дальше.

Задержанный горько усмехнулся и облокотился на спинку стула. Его опухшее лицо на секунду прояснилось.

– Я уже мертв, Вильт. Зачем мне прятаться?

6.

– Много ли вы знаете о состоянии Слачника? – Вильт нервно измерял шагами кабинет Гебхарта Лейнцига.

– Ему немного осталось... – спокойно протянул Лейнциг.

Капитан судорожно потер пульсирующие виски и закинул в рот маленькую таблетку аспирина, которую ему принесли полминуты назад. Белая пластинка оказалась с лимонным вкусом, который мягко обволакивал всю полость рта, ее действие скоро должно было войти в свою силу.

– От чего он умирает?

– Сложно сказать, – Лейнциг аккуратно почесал голову там, где еще оставались жидкие волосы. – Его клетки чем-то поражены, нервная система довольно сильно истощилась. Иммуни-тет? У него его нет.

– Радиация? – Вильт покосился на заведующего. – Однако, насколько мне известно, немногие со станции Титлин погибли от излучения...

– Капитан, тогда бы он распадался на куски прямо у нас на глазах, а он просто гниет изнутри. К тому же излучение зафиксировала бы АСУПИ, у него просто какой-то вирус. По воздуху он не передается... – Лейнциг поспешил заверить капитана. – Тактильно? Что ж, поставьте его не касаться...

Вильт закрыл глаза, силясь переварить информацию. Получалось это уже лучше: белая пластинка с лимонным вкусом делала свое дело. Пульсирующая боль постепенно отступала. Думать теперь было не так проблематично.

– Помощь ему не оказывалась?

– Зачем? – Лейнциг удивленно развел руками. – Зачем продлевать жизнь покойнику? Все, кто выбрался с Титлина – предатели. А предателей казнят. Не велика ли разница, как и где он умрет?

Вильт иронично улыбнулся. Бюрократия в ее истинном лице и ярком представителе. С точки зрения бумажек заведующий был прав: трата медикаментов на того, кто, несомненно, умрет в ближайшее время – непростительное расточительство. Однако, при всем этом именно бюрократия продлевала жизнь Слачника на несколько лишних часов.

– Он точно не заразен? – наконец, спросил Вильт.

– АСУПИ утверждает, что не заразен. Ей можно доверять, – он привстал со своего стула. – Вы решили его все-таки допросить?

– Человек, которого считали мертвым, пришел умирать к нам. У него есть данные о засекреченном месте, о котором мало что известно. И он хочет ими поделиться, – заключил Вильт. – Думаю, мы можем ему это обеспечить, учитывая, что нам еще несколько часов ждать ответа на его идентификацию.

Глаза Лейнцига загорелись. Он, несомненно, подумал, что Вильт хочет повышения. А этот Слачник вполне может его обеспечить, особенно, если его данные окажутся ценными. А тогда и он – Лейнциг – сможет отхватить свой кусок пирога. Вильта же подталкивал интерес, расчет был вишенкой на торте.

– Вы хотите продолжить с ним разговор?

Капитан подошел к двери и прежде, чем выйти, бросил через плечо:

– В комнате для допросов не должно быть ни одного человека, кроме вас. Всю работу вы должны будете выполнять сами, так что, включайте запись.

7.

Слачник уже выпил свой чай, опустошив чайник, и потребовал новый. Видимо, чувствуя приближение своей кончины, решил быть понаглее. Вильту казалось это вполне правомерным.

Во внешнюю камеру допросов они вошли вместе с Лейнцигом, выпроводив остальной персонал. Заведующий дал какие-то распоряжения и запер дверь. Теперь они остались наедине с задержанным. Лейнциг снял пиджак и жилет, обнажив шелковую поверхность дорогой рубашки, в которую впивались до омерзения яркие оранжевые подтяжки. Он уселся за консоль управления камерами и активировал их.

Вильт направился во внутреннюю комнату, где его поджидал (а что ему оставалось делать?) Слачник. Решено было, что капитан проведет допрос, а Лейнциг будет следить за всем через камеры по закрытому каналу. Информация без ведома руководства не должна была уйти дальше их ушей.

– Вы готовы отвечать на вопросы? – Вильт сел напротив задержанного.

Он выглядел уже лучше то ли от чудодейственного чая, то ли от не менее чудодейственного тепла комнаты. В любом случае капитан обрадовался, задержанный не отдаст Богу душу раньше времени.

– Мы же это уже проходили...

– Протокол обязывает, – отрезал Вильт, вытащив листочек. На нем красовалось немногочисленные данные по задержанному, которые он смог выудить без запроса секретных данных о Слачнике – первичное досье.

– Начинайте, – вздохнул тот, видимо, смирившись со своей участью.

Вильт положил листок перед собой так, чтобы его оппонент не смог разглядеть, что в нем написано.

- Ваше имя?
- Гжегож Слачник.
- Дата рождения?
- 1 марта 1998 года.
- Место рождения?
- Краков.
- Родители?
- Отец – Антуан Слачник. Пехотинец. Умер на задании в ранге старшего лейтенанта в 2002. Понятия не имею, в какой стране.
- Вы хотели сказать погиб?
- Нет. Я хотел сказать умер. Он подхватил какую-то заразу и скончался в госпитале. Не слишком геройская смерть для военного, не так ли?
- Вильт утвердительно кивнул.
- Мать?
- Светлана Слачник. До замужества Радомски. Стоматолог. Умерла в 2014 году. От рака головного мозга.
- У вас остались родные?
- Его лицо недовольно скривилось, словно Вильт перешел в неудобную для него тему.
- В связи с недавними событиями – не думаю.
- Не думаете?
- Краков входил в число двадцати семи городов, которые разбомбили первыми. Не думаю, что мои родные пережили это.
- Вильт снова кивнул, хотя этой информации на листке не было. Вопрос был, что называется, от себя. Своеобразная импровизированная проверка на вшивость. Слачник ее прошел.
- Ваше звание?
- Сержант. На Титлине был заместителем начальника наблюдательного пункта.
- Вильт отложил листок. Информация, которую он сумел выудить про Слачника, закончилась. Теперь нужно было верить ему без проверки, по крайней мере, пока.
- То есть вы имели дело со всеми камерами на станции Титлин?
- Я был наблюдателем, который знал абсолютно обо всем, что творилось на станции, за исключением небольших нюансов.
- Вильт тяжело вздохнул и посмотрел в зеркало туда, где должен был быть Лейнциг. Заведующий, наверняка, был чрезвычайно возбужден. Галстук на шее был ослаблен, а верхняя пуговица расстегнута. Вильт так себе и представлял.
- Нам нужно знать вашу версию событий на станции Титлин.
- Слачник улыбнулся.
- Мою версию? Конкретно для вас, капитан, это будет единственная версия, которую вы услышите. Ведь все что вам известно – это то, что Титлин – точка отсчета. Ну, еще вам известны последствия, и, может, несколько имен. Все остальное отпечаталось в головах выживших на станции Титлин. Их, кстати, не так уж и много осталось. Политика истребления, знаете ли.
- Вильт молча слушал разглагольствования Слачника. Главное правило дознавателя – не мешать допрашиваемому вертеть языком, если он это охотно делает. Нужно иногда лишь подталкивать его в нужное русло.
- Снимите наручники, – вдруг перевел тему разговора Слачник.
- Вы – задержанный, – спокойно ответил Вильт.
- Задержанный, которому не так уж много осталось. Кости болят, а запястья сильно сдавлены металлом, – он неожиданно разразился кашлем с обильными брызгами слюны и крови.
- Пару капель попали на вылизанный до блеска стол. Вильт даже не сдвинулся с места. Чего-чего, а выдержки у него всегда было хоть отбавляй.

– Неужели вы думаете, что я смогу вам навредить? – переспросил Слачник, стирая кровь с потрескавшихся губ.

Вильт несколько секунд обдумывал, чем может грозить минимальная свобода прокаженного, а потом подтолкнул ключи к поляку. Касаться его он не хотел. Слачник дрожащими руками только с третьего раза смог попасть ключом в замочную скважину, с другим замком все было чуть лучше – со второго. Он потер ладонями запястья, они были не такие уж костлявые: по крайней мере, за несколько дней до того, как его поймали, он стабильно неплохо питался.

– Что ж, – продолжал Слачник. – Вы хотели знать, что случилось на станции Титлин? Вы нашли нужного человека.

Добро пожаловать в Титлин

8.

Титлин строился рекордные три года для проекта такого размаха. Он задумывался, как международный научный центр сродни швейцарскому ЦЕРНуб, где лучшие умы человечества, не взирая на политические дразги во внешнем мире, смогли бы заняться революционными разработками и прогрессом в улучшении жизни человека на земле. Звучало потрясающе: высокая цель и единение непримиримых наций в погоне за ее достижением.

На деле все оказалось немного не так, как вырисовывалось в головах оптимистично настроенных активистов.

Не всем понравилось выбранное место для научной станции Титлин. Центр Сибири. И дело тут совсем не в ужасающем для приезжих климате или отстраненности от всего мира (на сотни километров вокруг станции были только лес, горы и болота). Дело было в стране. Извечные противники России в лице Запада, не слишком-то горели желанием отдавать всемирный проект в руки конкурентов. Главным аргументом России были ресурсы и, конечно, огромное количество места для будущего человечества. Главным аргументом Запада были Аляска и Техас, которые, в общем-то, не уступали ни по ресурсам, ни по свободному пространству. В итоге в закулисном противоборстве Запада и Востока за мир во всем мире локальную победу отпраздновал Восток. Это отняло год. Еще год забрали на себя подготовка к строительству и борьба с коррупцией на начальных этапах. Еще три года отняло само строительство комплекса станции.

Это был настоящий Вавилон! Станцию строили всем миром. Наконец-то, Запад и Восток занимался одним делом. Правда, об этом знали немногие. Проект был засекречен, и даже ученые, для которых готовилась платформа, не имели понятия, что творится в центре Сибири посреди непролазных лесов.

В итоге станция получилось инновационной и технологически современной, но не такой обширной, как собрат из Швейцарии. Честно говоря, там, в среднем, было около сотни людей, треть из которых составляли чередующиеся военные, треть – чередующиеся пешки, вроде инженеров и обслуживающего персонала и треть – крепко ухватившиеся за свои места ученые разных специализаций. Одновременно, на станции велось по несколько проектов. Это объясняло огромное количество лабораторий наземных и подземных. За всем постоянно следил наблюдательный пункт. Идеальная сбалансированная работа цельного организма.

За несколько лет Титлин произвел огромное количество разработок, растекшихся по всему миру. Человечество начинало расширять свои горизонты общим слаженным размахом без дразг и грязной конкурирующей борьбы. Человечество шло к новому, неизведанному и, как это бывает в ходе экспериментов, после череды неудавшихся попыток человечество до этого неизведанного добралось.

9.

– Верчеенко должен быть в моей команде, Ифран! – Фил Мастерсон нервно мерил шагами кабинет ответственного за проекты.

Ифран Геджани спокойно смотрел на этого мечущегося янки из-за своего стола. Мастерсон вызывал у него неоднозначные чувства. Несомненно, этот американец был наделен недюжими знаниями и интеллектуальными способностями и по делу занял свое место среди ученых Титлина, но более высокомерного и склочного, даже для своих почтенных шестидесяти лет, человека, Геджани не встречал на протяжении всей своей долгой и богатой на события карьеры.

– Олег Верчеенко и Александр Корвин уже приписаны к проекту Инитаро, Фил...

– Опять этот долбаный япошка! Со своими бессмысленными проектами!

Геджани не повел и глазом в ответ на эту грубость. Его должность и положение вынуждали иметь титаническое терпение. «Наверняка, за спиной он меня называет «долбанным индусом» – подумал он.

– Меньше расизма, Фил, – все так же спокойно проронил он. – Это международный проект. Твои расистские высказывания – последнее, что ему нужно.

Мастерсон оперся обеими руками на стол Ифрана и навис всем своим могучим телом над ним, словно скала.

– Мне плевать на Корвина – пусть он бежит в своем лабораторном халате у Инитаро. Но Верчеенко... Его мозги нужны моему проекту!

– Фил...

– В конце концов, он конструктор! Нахрена этому япошке конструктор?

– Ему нужен конструктор...

– Твою мать! Этот Корвин тоже конструктор! Он принимал участие в создании экзоскелета наравне с Верчеенко. Ты сам так говорил! Отдай ему Корвина, а мне Верчеенко. И у него, и у меня будет конструктор.

Ифран, молча, дослушал его.

– Ты закончил?

Мастерсон нервно кивнул, ожидая, что сейчас на него польется шквал до тошноты обоснованных нравоучений. Американец это ненавидел больше критики.

– Помимо экзоскелета они оба входили в число той семерки, что разработала АСУПИ. Да, Фил, той самой АСУПИ, что установлена на Титлине и многих других базах военного и мирного назначения, – ответил он на немой вопрос Мастерсона. – Они не просто конструкторы. У них довольно обширные знания и в других технологиях.

– Что, опять же, мешает отдать ему Корвина?

– А то, что Корвина здесь вообще не должно было быть, Фил. Акайо пригласил Верчеенко, заметь, раньше тебя, а главным условием того был Корвин в одной с ним упряжке. Они идут одним комплектом, Фил. Два по цене одного, понимаешь? И Верчеенко, и, возможно, Корвина ты получишь только после завершения проекта Инитаро.

Мастерсон отступил от стола на несколько шагов, окинув Геджани злобным взглядом. Его махровые седые брови хмуро нависли над водянистыми бесцветными глазами. Казалось, даже ресницы старика были седыми. Несмотря на то, что родился он в Юте, выглядел, как типичный техасец – высокий, широкоплечий, со скверным характером, с возрастом ставшим еще хуже и несноснее.

– Да, пошли вы все, – выдавил, наконец, он. – Сам справлюсь.

С этими словами он вышел из кабинета, нарочито громко хлопнув за собой дверь.

Геджани было тридцать восемь лет. Он был дважды разведен. Не разговаривал со своим отцом, редко виделся с матерью. И занимал лакомую должность на станции Титлин. Фактически он был самым важным на ней человеком. В общем, личная жизнь у него не заладилась, а карьерный рост летел ввысь. Однако, иногда он ненавидел свою работу.

10.

В Титлин можно было попасть только по воздуху, здесь была своя посадочная полоса и вертолетная площадка, еду доставляли раз в неделю транспортником. Сменный состав, вроде военной охраны, пункта наблюдателей, инженеров и обслуживающего персонала, прилетал и улетал каждые полгода, в основном на вертолете. Так что, появление вертолета на Титлине означало одно из двух, либо кто-то прилетел, либо кто-то покидал станцию. В любом случае появление шумной черной точки на горизонте вызывало прилив любопытства и ажиотаж у обитателей станции. Они чуть ли не полным составом вываливались на улицу, чтобы посмотреть на «свежее мясо» или проводить коллег.

Когда вертолет приземлился, оттуда, не дождавшись когда лопасти перестанут рассекают воздух над головой, выскочил худощавый мужчина в костюме лет тридцати пяти – сорока. Он оглянулся, поправил идеальную прическу, которая каким-то чудом осталась почти не тронутой после перелета, и, чуть пригнувшись, пошел в сторону выдвинувшейся к нему делегации. Вслед за ним из вертолета осторожно высунулась девушка в деловом костюме и квадратных очках с толстыми линзами. Она осторожно спрыгнула на теплый асфальт посадочной площадки и огляделась. Тут же около нее оказался молодой мужчина с огромным походным рюкзаком за плечами. Им обоим было не больше тридцати. Девушка была чуть полновата, но с приятными ровными чертами лица и золотистыми вьющимися волосами до плеч, они весело пружинили при каждом ее шаге и игриво переливались на солнце. Мужчина оказался довольно высоким, подтянутым, с усталым щетинистым лицом, прямым носом и неухоженными волосами, цвет которых балансировал от темно-медного до древесно-коричневого. Он разительно отличался от своих коллег хотя бы тем, что был в походной клетчатой рубашке и просторных темно-бежевых штанах – типичный инженер, который предпочитает броскости и красоте делового костюма комфорт и простоту обыденной одежды.

Тем временем первый дошел до встречающей делегации.

– Здравствуй, я – Олег Верчеенко, – сказал он по-английски с легким акцентом.

– Добро пожаловать на Титлин, – первым руку ему протянул невысокий индус в светлой рубашке с короткими рукавами. – Ифран Геджани. Я здесь вроде заведующего по научной части.

Он взглянул за плечи Верчеенко. Его товарищи уже подобрались к ним вплотную.

– Ольга Ласкис, – девушка протянула руку Геджани, и тот с удовольствием пожал ее.

– А это мой помощник, – Верчеенко хлопнул по плечу парня в клетчатой рубашке, словно младшего брата. – Александр Корвин.

Корвин чуть заметно скромно кивнул и встал слегка поодаль за спину своего начальника.

– Очень приятно, – Ифран растянулся в улыбке и повернулся к своим спутникам. – Подполковник Виталий Смирнов, – он указал на плотного мужчину лет пятидесяти, который стоял так, будто в позвоночник вставили прямой металлический штырь. В общем-то, военного в нем выдавала только выправка и аккуратный ежик на голове. Одет он был на гражданский манер, а лицо скорее принадлежало веселому мужичку-затейнику, нежели профессиональному военному. – Главный по безопасности на нашей станции.

Смирнов только молча улыбнулся. Он предпочел не жать руки всем новоприбывшим, а лишь слегка кивнул в знак своего приветствия.

– Профессор Йосси Кастор, – Геджани указал на худого сутулого мужчину за пятьдесят. Он каким-то образом сумел сохранить природный цвет своих редких черных волос на широком черепе от седины. Под огромным крючковатым носом красовалась густая черная щетина. – Мисс Ласкис, профессор Кастор – ваш непосредственный начальник.

Ласкис широко улыбнулась и пожала профессору руку. Кастор поспешил увести ее внутрь станции, что-то тихо бормоча, чтобы слышать его слова могла только новоиспеченная подопечная. Несмотря на всю свою харизму, он зачастую был невероятно нуден и не в меру бестактен.

Вся группа в комически нелепом молчании проследила, как тот уводит бедную девушку, испуганно озирающуюся по сторонам, будто ее похищали среди бела дня.

– Не бойтесь, – смягчил паузу Геджани. – Профессор не из буйных.

Группа разразилась умеренным вежливым смехом, который, в прочем, очень быстро потонул.

– Профессор Акайо Инитаро, – продолжил Гаджани. – Мистер Верчеенко и Мистер Корвин в вашем распоряжении.

Акайо выступил вперед. Он оказался среднего роста японцем с длинными черными волосами, туго завязанными в небольшой крысиный хвостик. Он был в шортах цвета хаки и широкой майке с каким-то замысловатым узором. На шее покоились огромные наушники, сквозь которые лились отголоски какой-то современной музыки. Для своих сорока лет он выглядел очень даже молодо, и скорее был похож на затюканного программиста, нежели на ученого с мировым именем.

– Добрый день, господа, – сказал он по-английски, поприветствовав вновь прибывших. – Можете звать меня просто Акайо. Надеюсь, мы сработаемся.

Тонкие губы Верчеенко растянулись в вежливой улыбке.

– По-другому просто быть не может! – сказал он, и компания направилась внутрь станции Титлин.

11.

– Енот и Лис, станция Титлин приветствует вас, – послышался электронный голос АСУПИ, как только изумрудные голографические лучи исчезли из виду, просканировав Верчеенко и Корвина.

Акайо и Гаджани удивленно посмотрели в камеру, как если бы это было лицо системы. Охранник хотел было броситься извиняться перед ними, но Верчеенко остановил его одним движением руки, сделав это так изящно, что позавидовали бы сами представители палаты британских лордов.

– Все в порядке, – сказал он.

– Спасибо, АСУПИ, – протянул Корвин.

Ифран и Акайо переглянулись.

– АСУПИ – наша разработка, – улыбнувшись, продолжил Верчеенко. – Она общается со всеми официально, как слуга. Мы же хотели немного панибратства хотя бы для ее создателей. В нее вшит код. Так что... я – Енот, а Александр – Лис.

– Откуда такие прозвища? – усмехнулся Ифран, никогда раньше не слышавший от АСУПИ такого снисходительного обращения.

Верчеенко натянуто улыбнулся.

– Еще со студенческой скамьи...

12.

– Я в душ!

Не успели они войти в свою жилую комнату, как Верчеенко сбросил одежду и кинулся в ванную. Комнаты на станции были спроектированы на одного или двух человек. Им досталась с двумя койками.

– Не удивлен ни на секунду, – буркнул Корвин и начал раскладывать содержимое своего наплечного рюкзака.

В общем-то, вещей у Корвина оказалось немного: основную часть занимал бесформенный, угловатый, наполовину металлический, наполовину кевларовый⁷ предмет. Он осторожно вытащил его из сумки и поставил на свою тумбочку. Остальное место в рюкзаке занимали парочка маек и штанов, внушительный набор черных носков и трусов, предметы личной гигиены и всякие мелочи. В конце концов, он выудил из кармана рюкзака черные самодельные ножны из черно-зеленой плотной ткани. Внутри них покоился старый армейский нож. Корвину

в свое время пришлось пободаться с руководством станции, чтобы ему разрешили пронести на нее «холодное» оружие, которое находилось при нем постоянно вот уже многие годы, со смерти его отца. Этот нож покинул его лишь однажды на целый год, когда он вынужден был прозябать свой талант и знания в солдатской шинели, маршируя под команды сержантов на плацу. Возможно, именно после этого у него появилась стойкая нелюбовь к военным, однако, она граничила с таким же стойким уважением. Как бы то ни было, после телефонных переговоров подполковник Смирнов разрешил ему иметь личное оружие под свою ответственность. Тем более что до сих пор оно использовалось только в технических задачах.

– Ничего себе! – за спиной послышался высокий голосок, говоривший по-английски.

Корвин, вздрогнув, оторвался от своих дел. В дверях их с Олегом комнаты стоял мальчик лет двенадцати. Короткие темные волосы отблескивали при свете ламп, худощавое, как и у большинства подвижных пацанов его возраста, тело было облачено в широкую майку со знаменитой фотографией Эйнштейна и длинные, до колен шорты – приблизительно в то же самое планировал переодеться сам Корвин. Мальчик не сводил глаз с ножа, который лежал на пружинящей поверхности матраса.

– Что там случилось? – крикнул Верчеенко сквозь заглушающий его шум включенной воды.

Мальчик поглядел на дверь в ванную, потом на Корвина.

– Так вы русские? – сказал он на этот раз по-русски с легким заграничным акцентом.

– Да, – послышался голос Верчеенко. Он успел влезть в махровый халат и вывалиться из ванной. – Я – Олег Верчеенко, а это Александр Корвин, мой коллега и помощник. А вы, молодой человек?

– Меня зовут Питер Хартли, – произнес мальчик, гордо выпятив грудь вперед.

– Откуда же Питер Хартли научился так прекрасно говорить на иноземном языке? Да, еще и таком сложном. Может он тоже ученый?

– Нет, – засмеявшись, мальчик махнул рукой. – Мой папа – он ученый.

– А откуда же такие знания русского языка? – поинтересовался Верчеенко.

– Моя мама была русской. А папа – британец.

– Мощная смесь, – усмехнулся Олег.

– Была? – наконец-то подал голос Корвин.

– Она умерла два года назад, – спокойно ответил Питер.

Лицо Корвина почернело.

– Ладно, – продолжил мальчик. – Я пойду. Кстати, классный нож...

И с этими словами он скрылся из виду.

– А ты отлично умеешь ладить с детьми, – Верчеенко сбросил халат и начал надевать чистую одежду.

– Да пошел ты, – буркнул Корвин.

13.

Через полчаса Акайю пришел, чтобы провести ознакомительную экскурсию по станции и параллельно разъяснить правила безопасности, режимный распорядок работы и все, что было с этим связано. В общем, провести нечто вроде начального брифинга. Верчеенко и Корвин воодушевленно слушали низкий быстрый говор японца, его английский был хорош – чувствовалось, что Акайю приложил немало усилий и, скорее всего, средств, чтобы звучать практически без акцента.

Станция оказалась намного обширнее, чем они считали. Внешне она выглядела, как груда металла, заключенная в бетонные оковы. Окруженное аккуратными парковыми аллеями и вертолётными площадками, цельными каменными скамейками и статуями знаменитых ученых, продвигавших вперед науку вот уже многие сотни лет, многоэтажное здание, подсвеченное изнутри в лучших традициях смешения стимпанка⁸ и киберпанка⁹, посреди смешанных

сибирских лесов выглядело футуристично. Оно состояло из множества сросшихся комплексов разной величины, где перед входом красовалась величественная статуя атома, которую держали в сложенных ладонях мужчина и женщина – творцы прогресса – Адам и Ева науки. Их руки тянулись к небу, а атом, словно путеводная звезда, освещал им путь. В основном, крыши комплексов представляли собой плоские площадки, усеянные различными антеннами, тарелками, блоками коммутации и прочей аппаратурой. Будь вместо плоских крыш острокопечные шпили, станцию можно было бы принять за западноевропейскую церковь в готическом исполнении с налетом фантастической новизны – своеобразная Мекка будущего, куда могли бы стекаться паломники со всего мира, провозглашая новую современную религию. Религию науки. Над всем этим великолепием возвышалась огромная тарелка с внушительным шпилем, она была стилизована под крышу самого высокого комплекса. Казалось, такое оборудование может ловить сигналы по всей земле, но это было далеко не все – станция поражала своими размерами, но все же и половины не было заметно на первый взгляд. Во многом за счет схожести с айсбергом. Семьдесят процентов лабораторий и полигонов станции пускали свои корни под землю, вполне осязаемая «корпорация «Амбрелла»¹⁰.

Верчеенко и Корвин уже к своим годам заработали репутацию (иначе их бы здесь просто не было) и капитал. Но глядя на технологии Титлина, они поражались все больше и больше, как и большинство ученых и изобретателей они были уверены, что идут впереди планеты всей. Станция Титлин наглядно демонстрировала их ошибку – они толкали вперед лишь малую долю инженерной мысли. Прогресс давно с ними поравнялся, а местами даже убежал за горизонт. Это было прекрасно и волнующе. В общем, Корвин, который всегда находился в тени Верчеенко, понял, что тот сам находится в еще большей тени, и не мог точно понять радуется ему это или печалит, поэтому просто наслаждался тем, что ему будет позволено прикоснуться к будущему. А Верчеенко потонул в зависти и желании прикоснуться к разработкам Титлина.

Акайо же в свою очередь старался донести до каждого свою роль в текущем проекте. И, если Верчеенко откладывалась роль правой руки ответственного за проект, то Корвину оставалось довольствоваться стезей простого инженера, повязшего в черновой неблагодарной работе. К слову, ни тот, ни другой не протестовали.

14.

– Уэлен Хартли, – высокий широкоплечий мужчина в квадратных очках без оправы протянул Корвину руку.

– Александр Корвин, – ответил тот и пожал руку британца. Пожатие, как и следовало ожидать, оказалось уверенным и крепким. – Я знаю вашего сына...

– А-а-а, – протянул тот, пройдясь рукой по редющим темно-рыжим волосам. – Вездесущий Питер... Надеюсь, он не причинил вам неудобств?

– Нет, что вы. Какие могут быть неудобства!

– Я один из немногих на этой станции, кто приехал с семьей, – продолжил Уэлен – видно было, что тема для него неудобная, но он предпочитал прямолинейно объясниться.

– Не на кого оставить?

Хартли широко по-доброму улыбнулся. Он был старше Корвина лет на пятнадцать, но выглядел довольно подтянутым и не таким уж старым, а его улыбка обладала располагающим даром, превращая его в душевного громилу с умными глазами.

– Он вам уже рассказал?

Корвин виновато, как будто это он причина всех бедствий, кивнул. Его язык опять выдал неудобную информацию не в то время.

– Разговорчивый малый... Его мамы не стало, – пояснил Уэлен. – А его старшая сестра, несмотря на свой возраст, сама еще ребенок. Уверен, конечно, что она смогла бы позаботиться о нем – Айли ответственная, но не хотел ее обременять и отвлекать от учебы. Так что, я здесь с Питером один на один.

Корвин многозначительно кивнул, скорее от того, что не знал, что ответить или что дальше делать, а какой-то реакции от него ждали. Он никогда не умел общаться с людьми, особенно с малознакомыми. Он умел четко, не сворачивая, идти к своей цели, оживлять машины, делать такие вещи, которые другие считали нереальными или, по крайней мере, маловероятными. Но общение с себе подобными вызывало у него ступор, если не панику. Ему нужно было пристраститься к человеку, сработаться с ним, чтобы начать общаться открыто, не бояться сказать лишнего, не волноваться о чужих мыслях.

– Лабораторию ты увидишь завтра, – тем временем сказал Уэлен. – Я же могу общаться с тобой на «ты»?

– Конечно, – спохватился Корвин – он уже успел забыть, зачем его послали к этому британцу. – Можешь звать меня Алекс...

Акайо забрал Верчеенко с собой, а к Корвину приставил Хартли, таким образом, четко разграничив обязанности каждого. Проталкиванием науки вперед займется Олег, а он будет реализатором – верным помощником Игорем¹¹, прихрамывая говорить «Да, хозяин» и нажимать рубильник по команде. Как итог: прогулка по внутреннему ботаническому саду станции с Уэленом Хартли – инженером-конструктором с неслабым послужным списком, который также, как и он, вынужден играть на вторых ролях.

– Акайо говорил уже, чем вы будете заниматься?

– Нет.

– О, это будет не по-христиански, практически брегово и невероятно весело, – улыбнулся Хартли.

– Мой любимый набор.

15.

– Сигнал в открытый космос? Серьезно? – негодуя переспросил Верчеенко, когда Акайо вывалил на него пуд непривлекательной информации.

– Очень мощный сигнал, – поправил его японец.

Верчеенко схватился за голову.

– Вы в курсе, что ко мне сегодня подходил профессор Мастерсон? Он просил меня ему помочь в разработках сверхлегкой ракеты для дальних полетов в космос. Он хочет попасть на Марс, Венеру, колонизировать Луну... А вы мне предлагаете запустить сигнал в космос?

Олег как будто надеялся, что японец сейчас громко рассмеется ему в лицо и, дивясь тому, какой же он доверчивый, вывалит реальную невероятную стоящую задачу из книг Жюль Верна, Герберта Уэллса или Айзека Азимова¹²: станции, свободно парящие в стратосфере, батискаф для изучения Марианской впадины, электроника позволяющая проникать в человеческое подсознание...

– Да, я предлагаю «запустить» сигнал в космос.

– Кто вас вообще финансирует?

– Много стран и отдельных заинтересованных людей. Это всемирный проект.

– Сигнал в космос? Всемирный проект?

– Я повторяю, – спокойно ответил Акайо. – Сверхмощный сигнал в открытый космос. Он доберется туда, куда иные сигналы не добивались, и сделает это быстрее, чем какие-либо другие. К тому же, мы надеемся получить отклик...

Верчеенко на несколько секунд замер, переваривая информацию. Думая о Герберте Уэллсе и Айзеке Азимове, он подразумевал несколько другое направление.

– Отклик? То есть... инопланетяне?

– Как хотите, так и называйте.

Он несколько секунд, не отрываясь смотрел на японца, пытаясь осознать, насколько тот сумасшедший и чем ему это грозит.

– Я могу отказаться от вашего проекта в пользу проекта Мастерсона?

– Вы можете им заняться после моего проекта, – тихо произнес Акайю, которому определенно не нравилась реакция будущего коллеги. – Контракт уже подписан. Так что, в ваших интересах помочь мне его закончить, как можно быстрее...

16.

– Звучит, как сказка, – Корвин плюхнулся на одну из широких мягких, больше похожих на изрядно похудевшие диваны, скамеек, которыми был усеян весь зал отдыха.

Огромное помещение, под которое выделили целый комплекс, вмещало в себя внутренний сад – идеальную ботаническую архитектуру, где можно было расслабляться грустными вечерами суровых русских зим, несколько столовых и автоматов с различной едой – от мороженого до немецких охотничьих колбасок, парочку спортивных площадок, предназначенных для командных игр, широкий бассейн на тридцать две дорожки, спорт-залы, лежаки, солярий, столики с настольными играми, диванчики с широкоэкранными плазмами и видеоприставками. Корвин четко зарубил себе на носу – ученые умели расслабляться и денег на это не жалели.

– Система контроля и распознавания со вшитым ограниченным интеллектом¹³ тоже звучала, как сказка, – ответил Хартли, усевшись рядом с ним. – Как, собственно, и ваш хваленый экзоскелет.

Корвин расплылся в улыбке. Признание от такого ученого, как Хартли, ласкало его не слишком раздутое эго. Шотландец со своими рыжими вихрами и трехдневной тараканьей щетиной, что весело блестела в свете ламп дневного света несомненно нравился ему.

– Вы в курсе?

– Ну, с АСУПИ я имел удовольствие общаться, а ваш экзоскелет нам бы очень пригодился...

– Значит, я не зря его захватил с собой.

– Что ж, – протянул Хартли. – Постараемся сделать сказку реальностью?

– Главное, чтобы это потом не аукнулось...

Хартли расплылся в широкой улыбке: русский оказался не таким уж и занудой, как он боялся.

– Ну, наука – штука непредвидимая...

17.

– Ну, и как долго вы собираетесь нас мурыжить этой бредятиной? – Верчеенко раздражено вскинул руками, как будто это могло помочь делу.

Акайю в своей манере абсолютного спокойствия и взвешенности приземлился на мягкий диванчик и скрестил руки на груди. Ему определенно не нравился настрой Олега, но его помощь была необходима. Если бы сын страны самураев дал волю гневу и гордыне, это бы стало сумасшедшим расточительством ресурсов, в первую очередь ресурсов серого вещества и нервных клеток, которые им всем еще сильно пригодятся.

– МетОда, расчеты уже выполнены: собственно, весь механизм готов. Осталось запихнуть его в компактную не убиваемую оболочку...

– И сколько, по-вашему, это должно занять?

– Зависит от вас...

Верчеенко почесал подбородок. К концу дня начала пробиваться тонкая жесткая щетина. Он поморщился – короткие волосы на подбородке были ему омерзительны.

– Месяц. Мы управимся за один месяц. Максимум два, – уверенно заявил он.

На секунду японец удивленно вскинул брови от такого утверждения, но все же вежливо без тени сомнений в голосе ответил.

– Отлично.

18.

Через полгода кропотливой работы в поте лица, напрочь снесенной нервной системы и сорванных, в постоянных спорах, голосовых связок, сотен банок выпитых энергетиков, перемешанных с кофе в различных пропорциях, после которых человек в принципе не должен жить, изнуряющего воздержания ото сна и отдыха, от чего их отекавшие лица естественным путем стали похожи на физиономии не самых симпатичных зомби из фильмов ужасов, а одежда превратилась в мягкое засаленное тряпье, убивающее все живое на своем пути в радиусе нескольких десятков метров своим специфическим ароматом и, возможно, радиоактивным эффектом, ненависти к собственному тугоумию, логической беспомощности и бесчисленного количества мозговых штурмов проектная часть была завершена.

«Прикосновение»

19.

– Все готово? – Акайо волновался, словно маленький ребенок, который готовится рассказать стишок Одзи-Сану¹⁴.

Зал испытаний был практически пуст, на финальной стадии эксперимента внутри остались только люди, напрямую связанные с проектом: сам Акайо, Верчеенко, Корвин и Хартли. Остальные зрители уютно расположились на смотровой площадке под потолком и могли по праву оценить с нее весь обзор.

Хотя смотреть, в общем-то, было не на что. Сам усилитель сигнала и антенна находились снаружи на крыше станции, внутри стояли только консоли управления, которые постарались расположить подальше друг от друга, чтобы визуально увеличить размеры установки, и множество беспорядочных кабелей, змеями выходящие свои силиконовые тела от консоли к консоли. Вообще вся разработка выглядела довольно неприглядно – куски неокрашенного металла, нагая электронщина и множество проводов, выставивших свои запаянные контакты на людское обозрение, и плат, порою не прикрытых ничем.

– Нужно было все сделать аккуратнее, – простонал Акайо. – Кабели перевязать и закрепить, металл хотя бы покрасить, а пульт? Почему бы не использовать сенсорную панель? Эти уродливые тумблеры и кнопки из прошлого века!

– Профессор Инитаро, – отозвался Корвин. – Вы сами прекрасно знаете, что времени у нас было в обрез, и мы делали все быстро и качественно, попросту игнорируя внешний вид.

– Да, но вклады инвесторов в проект не слабо так зависят от внешнего вида...

– А еще от того, чтобы мы сделали все быстро, – добавил Верчеенко. – И... чтобы эта... штука работала... К тому же, модернизация не всегда ведет к лучшему результату. Иногда выгоднее все сделать проще, по старинке.

– Что есть, то есть, – вздохнул Акайо.

Он всегда ужасно волновался перед демонстрацией и, даже если был уверен в успехе, постоянно себя накручивал. Это было в порядке вещей, и, например, Хартли, который работал с ним не первый год, просто не обращал внимания на его нытье. Акайо хотелось больше походить на Верчеенко, который был спокоен, как удав после плотного обеда. Но тому был не интересен проект – он дал это понять с первых секунд, как только о нем узнал, он не радел за него душой так, как это делал Акайо. Хартли и Корвин тоже выглядели спокойными, однако, если проект провалится, им ничего не грозит. Не их имена смешают с грязью, они были просто пешками, орудием, которое выполняло тяжелую работу. Акайо же очень боялся этого – потери былой репутации в погоне за сказкой.

На самом деле, Хартли и Корвин просто физически не могли волноваться. Каждая фибра их тел чувствовала такую дозу пьянящей усталости, что они с трудом могли передвигаться. Оставалось только делать вид, что они, в общем-то, довольно бодр и веселы. Полгода они помогали Акайо и Верчеенко на равных, зачастую внося революционные предложения, чем, бывало, удивляли Акайо. Полгода они выматывались настолько, что засыпали на рабочем

месте. У обоих на первом месте в голове был отдых, и только на втором успех проекта. Честно говоря, оба с удовольствием бы пошли спать, оставив свои лавры кому-нибудь другому, кто не прикладывал столько усилий и времени.

Верчеенко нервничал, несмотря на показную безразличность. Невозможно не нервничать, когда представляешь разработку, над которой работал полгода. Однако, он считал, что проект заранее обречен. Сигнал. В космос. Зачем? Олег когда-то слышал об ученых, доказавших, что муравьи считают шаги¹⁵. Скорее всего, это была очередная «утка» интернета, однако, зная тенденции бредовости окружающего мира, он не исключал возможности, что информация может оказаться достоверной. Эксперимент заключался в следующем: на одном расстоянии от муравейника ученые положили еду, это расстояние являлось константой и не изменялось, они выпустили муравьев, и те по цепочке бегали от дома к еде и обратно. Потом эти самые ученые приделали к ногам муравьев ходули, удлинившие их конечности, насекомые проскакивали мимо пищи, убегая вперед, и пытались ее найти там. Отсюда вывод: муравьи запоминают количество шагов и потом их считают. Интересный дорогостоящий эксперимент. Вот только кому, к черту, нужны эти данные. Они не способствуют прогрессу, не улучшают уровень жизни ни человека, ни муравья. Огромные ресурсы и время были потрачены на информацию, которая максимум пару раз засветится на последних страницах какой-нибудь Богом забытой газетенки между кулинарной рубрикой и погодой на неделю. Такой же тратой он считал проект профессора Инитаро. Но он скрывал, что его нервы были натянуты до предела: провал означал тягомотный разбор полетов и возможное продолжение проекта. Он этого не хотел. К тому же, руку к проекту он приложил, а значит тот обязан быть ценен. Все, к чему он притронулся, должно быть ценным, иначе, какой смысл?

– Вроде бы все, – Акайо окинул взглядом установку.

– Начнем? – Верчеенко нетерпеливо подошел к основной консоли. – Я включу, когда подашь знак.

Акайо утвердительно кивнул.

– Господа, – начал он. – Мы собрались сегодня здесь, чтобы...

20.

Корвин и Хартли встали чуть в стороне. Их последующая работа заключалась в поддержке на случай внезапного сбоя или поломки. Верчеенко решил запустить процесс самостоятельно. Акайо произносил свою пламенную речь, к которой он вряд ли готовился. Японец был прирожденным оратором – он мог бы, пожалуй, повести войско на превосходящую армию противника, всего лишь пару раз напрягши свой язык. Корвин завидовал этому свойству многих людей – говорить красиво без особых усилий в любой ситуации. Он так не умел. Мозг, несмотря на всю свою живость, категорически отказывался лететь быстрее языка, формируя складные предложения, в итоге получались косноязычные фразы, порою необдуманные и несуразные.

Хартли, глядя куда-то вверх, помахал рукой.

Корвин проследил его взгляд и увидел за перилами верхней смотровой платформы среди ученых и инвесторов темноволосого мальчишку с тонким телом и худощавыми руками. Выглядело все это довольно забавно: как будто «Титаник» отчаливал, а немногочисленные провожающие были только у одного пассажира с верхней палубы. Они все были возбуждены будущим экспериментом, но сдержанность и напущенная хмурость все это старалась скрыть. Ну, разве что...

– Поддержка семьи, – усмехнулся Корвин и тоже помахал мальчику.

Последнее время он чересчур много времени проводил с семейкой Хартли. Работал со старшим. А свободные минутки, которых было не так уж и много, проводил в компании младшего – мастера по настольным играм. Вообще мальчик довольно сильно к нему привязался, больше, чем к кому-либо из незнакомцев на станции. Он как будто чувствовал, что Корвину

нужен друг, да и сам Алекс тоже прикипел к шустрому парнишке Хартли. Мальчик чем-то напоминал его самого: приткий ум, не по годам развитое логическое мышление и тонна безудержного любопытства. Разница была лишь в том, что Питер был не таким робким, как Корвин, но это тоже говорило о нем в положительном свете.

– Что-то вроде того, – улыбнулся Уэлен и снова взглянул на смотровую площадку.

Там был ажиотаж.

21.

Компанию инвесторам составили Ифран Геджани, в обязанности которого входили посещения испытательных мероприятий, подполковник Смирнов, также обязанный присутствовать на непосредственно полевых испытаниях скорее в роли руководителя бригады «пожарных», Йосси Кастор, оставивший всю работу на своих протезах, чтобы поддержать друзей, и Фил Мастерсон, готовящийся, наконец, перетащить Верчеенко в свой проект, пока этого не сделал какой-нибудь более расторопный мерзавец. Ученых было довольно легко отличить от толпы инвесторов. За исключением Геджани никто не удосужился надеть хоть какой-нибудь мало-мальски запыленный костюм, так что разноцветные майки с броскими надписями и рисунками и пляжные шорты, усеянные карманами, застежками и завязками легко выделялись на фоне строгих пиджаков спектральной темной расцветки от похоронно-черного до автомобильного «мокрого асфальта».

– Зачем он так долго треплется? – раздраженно проронил Мастерсон. – Включил. Послал сигнал. Выключил. Экономия времени.

– Хочешь сказать, когда ты будешь представлять свой проект, обойдешься лишь щелчком по кнопке «пуск»? – отозвался Кастор.

– Мой проект будет говорить сам за себя, а не выдавливать пародию на выгоду из воздуха! – буркнул уязвленный Мастерсон.

Кастор ему не нравился. Честно говоря, Филу Мастерсону вообще никто не нравился, кроме Фила Мастерсона. Ифран был «долбанным индусом», Кастор – «жидовским подхалимом», Инитаро – «тупорылым япошкой», русские, которые его приютили в центре Сибири, «дешевыми пародиями на людей», даже другие американцы для него являлись «вездесущими янки – нацией потребителей». Однако, за внешностью расиста, антисемита и социопата скрывались мощные технически подкованные мозги, которые очень часто приносили пользу этим самым «долбанным людишкам».

– А вам не кажется, что это просто потеря времени?

Слова были выдернуты из контекста. И Йосси даже не понял, как они донеслись до него сквозь всеобщий гам, но все же он повернулся на голос и напряг свой слух.

Вопрос адресовался Ифрану Геджани. Один из инвесторов – седой немец с трудновыговариваемой фамилией и аристократичной приставкой «фон», стоял практически впритирку к заведующему станцией. С высоты своего двухметрового роста Чубакки16 ему приходилось практически наклоняться к индусу, чтобы беседа была мало-мальски конфиденциальна.

– Мы все прекрасно понимаем, что данную систему не обязательно использовать в таком ключе, – спокойно, в своей деловой манере, ответил Геджани. – Это своего рода демонстрация, убивающая двух зайцев одним выстрелом. Она оставляет надежду для любителей научной фантастики на разумную жизнь вне нашей планеты, а также демонстрирует высокий класс нашей техники, которую можно безгранично использовать при решении различных задач.

– Я вас не совсем понимаю, мистер Геджани... – гнусавым басом переспросил немец.

– Помилуйте, – Ифран довольно улыбнулся – ему нравилось превосходить людей в чем бы то ни было. – Вы сейчас смотрите на самый мощный передатчик на Земле. Неужели вы не найдете для него иного применения кроме, как маркера, подсвечивающего нашу планету для псевдоинопланетян?

Немец удовлетворенно кивнул, давая индусу понять, что тот был услышан, и немного растерянно улыбнулся. Ответ его воодушевил и он уже проворачивал в своей голове много-миллиардные махинации.

– Вы не верите в инопланетян? – тем временем спросил Ифрана шепотом Кастор, которого почему-то очень задела эта тема. Он постарался это сделать так, чтобы немец с высоты своего роста не услышал разговор. Это, скорее всего, удалось, или немец решил не подавать виду, что вопрос долетел до его ушей. В любом случае, он решил не вмешиваться в чужие разговоры.

Геджани удивленно смерил его взглядом.

– Не хотел подслушивать, Ифран, но вы так громко говорили... – виновато соврал Кастор.

– Я верю в то, что могу увидеть или потрогать, профессор, – также шепотом ответил ему Геджани. – Пока вы мне не приведете инопланетянина, они будут оставаться для меня вымыслом из научной фантастики, но я не отрицаю возможности их существования. Все, отсутствие чего до сих пор не доказано, имеет право на свое потенциальное существование.

– А вы – материалист.

– Это очень верный подход.

– Материалист циничен и совершенно без фантазии.

Кастор похлопал Геджани по плечу.

– Я просто стараюсь не тонуть в своих иллюзиях, профессор, – Геджани подмигнул Кастору и указал на Акайо. – Наш друг, похоже, заканчивает свою речь. Время инноваций!

22.

Акайо повернулся к Верчеенко и чуть заметно кивнул.

Тот подошел к консоли и одним щелчком запустил ее. Консоль подсветилась белым светодиодами, если бы не световые маркеры, можно было бы подумать, что система вообще отказалась работать. Поначалу, установка была бесшумна – это можно было занести в графу «маленькие плюсики больших неудобных штуковин».

– Добрый день, Енот, – послышался голос АСУПИ, который окутал все свободное пространство зала для тестов.

Верчеенко натянуто улыбнулся, услышав ее голос.

– Добрый день, АСУПИ, – он склонился над консолью. – Как дела у системы?

– Данные по системе: система нормализована...

23.

– Они к этому процессу подключили АСУПИ? – немец снова склонился над Ифраном.

На этот раз индус ему не ответил. Это сделал Питер Хартли, который протиснулся на первые ряды, чтобы поближе видеть весь процесс. Кастор оградил его, встав за его спиной, чтобы мальца ненароком не задавили зеваки-толстосумы. Мальчик же все утро ловил на себе удивленные и даже раздраженные взгляды «денежных мешков», но максимально старался не обращать на них внимания.

– Верчеенко и Корвин – создатели АСУПИ. Почему бы им не задействовать собственную систему в новом проекте? Тем более, что ее интерфейс значительно ускорил и облегчил многие трудоемкие процессы.

Немец удивленно кивнул. Двенадцатилетний мальчишка знал о проекте больше, чем он – инвестор, это поражало и становилось одновременно предметом для гордости и зависти. При том, немец не мог точно разобраться, чему он завидовал больше: осведомленности или интеллекту парнишки, который в своем нежном возрасте интересовался не футбольным мячом и компьютерными играми, а здоровенными машинами, предназначение которых для многих взрослых оставалось загадкой.

Геджани же, услышав весь недолгий диалог, расплылся в саркастической улыбке. Он не слишком-то жаловал детей на Титлине, ему казалось, что они рудиментарный излишек на науч-

ной станции, но конкретно этот малец ему нравился. Ему вообще нравились люди, которые могли моментально заткнуть неприятных ему персон. А больше инвесторов он не любил разве что только политиков.

24.

Зал наполнился чуть слышимым гудением. Установка набрала ход. Акайо удовлетворенно кивнул и повернулся к зрителям.

– Сейчас в течение минуты мы будем посылать сигнал в открытый космос. В нем будет зашифровано одно единственное слово на семидесяти трех мировых языках. Это слово «Привет», как вы уже, наверное, могли догадаться. Приветствие иных цивилизаций, друзья мои!

Акайо осекся, как будто забыв свою речь и повернулся к Верчеенко, тот до сих пор был спокоен и ждал дальнейших указаний японца.

– Начинайте инициацию протокола «Прикосновение» ...

25.

– Протокол «Прикосновение»? – все не унимался немец.

Ифран Геджани нахмурился. Немец начинал его утомлять, хотелось повернуться и, скорчив злобную мину, прошипеть что-нибудь вроде: «Заткнись и наслаждайся зрелищем уже!». К тому же это была не самая его любимая тема для разглагольствований – в ней сталкивались наука и фантастика – любимый оплот для писателей – не для ученых и, уж тем более, не для инвесторов. Но он все же, как и полагает директору подобного рода организаций, с вежливой и учтивой улыбкой на лице ответил.

– Профессор Акайо – любитель символов. Также, как вы уже смогли убедиться, он – мечтатель, считающий, что жизнь вне нашей планеты не миф, а вполне реальная теория. Он дал проекту название «прикосновение», потому что считал, что таким образом прикоснется к неизведанному.

– Многие считают, что он, скорее, провидец, а не мечтатель, – отозвался Кастор, но немец его уже не слышал, поднявшись на высоту собственного роста.

– Провидцами становятся мечтатели, которые не отступили от своего пути, несмотря на предрассудки, сложности и сомнения, профессор, к тому же их точка зрения должна подтвердиться, – вздохнул Ифран. – Акайо пока столкнулся лишь с предрассудками... Его точка зрения пока остается лишь точкой зрения. Ему еще рано быть провидцем.

26.

– Протокол «Прикосновение» инициирован, – голос АСУПИ снова мерно растекся по залу сверху вниз.

– Проверить готовность установки перед передачей сигнала, – Акайо начинал входить в раж. Так бывало каждый раз, когда он с головой уходил в работу или эксперимент. Казалось, ему можно было прострелить колено в этот момент, и он не повел бы и бровью.

– Готовность установки проверена...

Указательный палец Верчеенко повис над черным неприметным тумблером с неудобным круглым узким колпачком.

–... распознана ошибка №25. Передача сигнала невозможна, – бесстрастно заключил голос АСУПИ, закончив проверку готовности установки.

Верчеенко, казалось, в нерешительности замер над консолью, словно его обратили в камень. Вообще весь зал, казалось, превратился в каменные статуи. Кровь резко отхлынула от лица Акайо и ушла куда-то значительно ниже. Он стал похож на одного из терракотовых воинов, покоящихся под стеклом в различных музеях по всему миру.

– Что за ошибка №25? – одними губами прошептал он, переглянувшись с Верчеенко, который, наконец-то, смог пошевелиться.

В его лице читались такие же растерянность и недоумение, какие Акайо мог бы запечатлеть на своем, будь у него фотоаппарат.

27.

– Наши светочи кабели неправильно подсоединили, – буркнул Хартли. – А еще гении, мать их... Я тебе говорил, нужно было разные разъемы под кабели брать, чтобы перепутать невозможно было...

– Во-первых, идем им поможем, кажется, они не шибко хорошо ориентируются в «ошибках» системы, – ответил Корвин. – А, во-вторых, насколько я помню, разные разъемы предлагал я, а ты, – он пошел вперед, тараторя себе под нос так, чтобы его слышал только Хартли. – «нет, их сложно достать... они не маленькие дети... разберутся... образование получали...»...

– Я все буду отрицать, – хихикнул шотландец, прикрыв рот рукой, как нашкодивший мальчишка. – Иди – проверь консоль, а я к установке.

Под гробовую тишину они разошлись в разные углы зала. Корвин подошел к консоли. Верчеенко неохотно уступил ему место. Его практически пришлось двигать, как предмет мебели, лицо у него было такое, будто он только что сбил полицейского, будучи пьяным и под красочным набором наркоты, а в багажнике у него ютился труп в обнимку с нелегализованными автоматами и похищенными во вторую мировую войну картинами эпохи Возрождения.

– Что случилось? – спросил он.

– С кабелями нахিমичили...

– Аккуратнее нельзя было?

– Вообще-то, ты их сам с Акайо подсоединял... – огрызнулся Корвин, недосып сильно давил на нервную систему. – На тест выставил?

Верчеенко, прикусив губу, рассеянно кивнул и на ватных ногах недовольно отошел к Акайо, который готов был провалиться под землю, чтобы не быть здесь и сейчас. Нужно было его успокоить, пока он не потерял сознание. Или что у него там в голове крутилось? Верчеенко представил тесное помещение, где в панике бегает несколько десятков миниатюрных копий Инитаро, а под потолком мигает красная лампа, воеет сирена, и на огромных экранах мелькает одно лишь слово «Тревога».

– Кабели... – прошептал он.

– Что кабели? – также шепотом переспросил Акайо.

–... подсоединили не так...

Японец незаметно чертыхнулся и повернулся к платформе, где уже начали проявлять себя легкие волнения. Заминка и ошибка, зафиксированная АСУПИ, не пришлись по душе публике.

– Все в порядке, просто небольшая техническая... ммм... задержка... Это займет не больше двух-трех минут...

28.

– У тебя косяк, – выкрикнул Корвин по-русски. – У меня все чисто!

Хартли лишь покачал головой. Русскую речь он понимал: годы жизни с русской женой и дети, которых с детства приучили к двум родным языкам, давали свой отпечаток. Вот только своего произношения он критически стеснялся и старался говорить односложно, либо вообще избегать общения на русском.

Он переткнул кабели и, подняв большой палец вверх, выкрикнул:

– Тест!

Корвин щелкнул тумблер. Ничего не произошло, зелененький индикатор-светодиод возле тумблера не зажегся. Система все еще не работала.

– Сигнал не проходит, – подтвердил Корвин.

Хартли, молча, поменял еще два кабеля и снова поднял большой палец вверх.

– Тест!

– Нет сигнала!

Хартли помотал головой из стороны в сторону. Вариантов оставалось не так уж и много, как разобраться с ошибкой он четко осознавал, но все равно почему-то сильно нервничал.

– И что мы бирки на них не наклеили, – прошипел он, перетыкивая кабели.

29.

– Долго они еще там, – Акайо нервно поглядывал то на Корвина, то на Хартли, то на платформу, где собрались инвесторы.

– Думаю еще минута максимум, – Верчеенко помассировал виски. Не так он представлял сегодняшний день.

Он должен был проснуться, позавтракать, перещелкнуть тумблер и взяться за проект Мастерсона, который вот уже полгода пытался его переманить. После второго пункта что-то пошло не так.

– Тест! – снова выкрикнул Хартли.

– Ничего! – слышался голос Корвина.

И Хартли снова начал перемещать кабели.

– Сколько у них еще тестов? – спросил Акайо. – Комбинаций там, вроде, не так уж и много...

– Да, черт их знает... – вздохнул Верчеенко.

Его начинал бесить голос Хартли, выкрикивающего одно и то же слово...

– Тест!

– Снова ничего!

Вдруг его зрачки расширились, как если бы он вспомнил нечто очень важное.

– Тест... – прошептал он.

– Что? – Акайо удивленно повернулся к нему.

– Я не включил тестовый режим...

– Тест! – снова слышался голос Хартли.

Верчеенко и Инитаро переглянулись и бросились к Корвину.

– Стой! – выкрикнул Верчеенко.

Но его крик потонул в электронной симфонии голоса АСУПИ.

– Сигнал передается.

30.

Корвин отошел от консоли, как будто она только что ударила его током. Он оглянулся на Акайо и Верчеенко, которые тут же подскочили к нему. Олег грубо оттолкнул его в сторону, заняв его место за консолью.

– Почему ты не проверил, тестовый ли у тебя режим? – стиснув зубы, прошипел Верчеенко.

– Потому что ты мне сказал, что он включен.

– Я ничего не говорил!

– Ты кивнул!

– А проверить никак? Ты мог спалить всю систему!

– А не валить с больной головы на здоровую никак?

– Эй, – выкрикнул, подскочивший к ним, Хартли. – Что сделано, того не воротишь. Тем более, что Алекс ничего не спалил, а наоборот запустил систему. Так что... берите пример с профессора Инитаро.

Корвин и Верчеенко одновременно оглянулись на Акайо.

Профессор стоял чуть поодаль от них и смотрел в потолок. Туда, где через толщу стен станции, находилась антенна, три недели назад установленная Корвиным и Хартли. Сквозь нее сейчас струился непрерывный сигнал с одним лишь единственным словом, которое одновременно означало приветствие, приглашение и мир.

– Система работает, – прошептал он. – Какая разница, кто нажал кнопку. Главное, что она работает.

Он готов был поспорить, что слышал, чувствовал, как сигнал льется из установки, перетекает по проводам в антенну, выплескивается из нее и на невероятных скоростях, летит в неизведанные дали, распространяясь вширь и ввысь. Он чувствовал, как этот сигнал оставляет везде и во всем свой отпечаток. Он видел его даже в себе. Легкое прикосновение, будто он-двадцать-лет-спустя проникнул сюда, чтобы коснуться своей же щеки, и, заливаясь слезами, доказать, что начало было положено здесь. Даже инвесторы прекратили свои перешептывания то ли от напряженности момента, то ли в ожидании продолжения, то ли почувствовали то же, что почувствовал Инитаро. Приближение будущего.

– Трансляция сигнала завершена, – голос АСУПИ, если не выдернул его из блаженного оцепенения, то, как минимум, приободрил. – Длительность сигнала – шестьдесят секунд. Разрешите завершить протокол «Прикосновение»?

Акайо оглядел своих коллег, взглянул на платформу, погруженную в молчание, снова понизил свой взгляд в потолок и, улыбнувшись, сказал:

– АСУПИ, завершай протокол «Прикосновение».

31.

День закончился очень быстро.

Ифран Геджани так для себя и не уяснил, может ли он записывать проект «Прикосновение» в актив Титлина.

С одной стороны, презентация была бедна и сделана на скорую руку, и это было заметно невооруженным взглядом. С другой стороны, опыт удался: сигнал запущен, расчеты верны, и Титлин имеет самый мощный и быстрый передатчик сигнала, известный миру.

Многие инвесторы не слишком впечатлились. В основном, это далекие от науки люди, ожидающие шоу, как будто вместо сигнала должны были вылетать разноцветные конфетти, складываться в слово «привет» на семидесяти трех мировых языках и улетать вдаль на упряжке из грифонов, естественно, на несусветной скорости. Инвесторы поумнее нашли для себя выгоду, но продолжать модернизировать проект не решились, приостановив дальнейшие разработки на неограниченное время. Скорее всего, сам проект ожидало забвение, а его плоды – путешествие по всему миру. В итоге «Прикосновение» принесет очень много денег тому, кто в него вложится, но не больше. Развитие вряд ли будет.

«В общем-то, не так уж и плохо прошел день», – мысленно подвел Ифран стоя под прохладными струйками воды в своей личной душевой кабине.

– А теперь нужно побыстрее его с себя смыть, – добавил он вслух, снимая с крючка старую желтую мочалку.

32.

Фил Мастерсон засыпал с пьянящей мыслью, что он, наконец-то, дождался. Верчеенко был в его команде, он подписал бумаги сразу же после демонстрации. Фил чувствовал себя, как футбольный агент, подписавший Месси. Теперь Мастерсон надеялся, работа закипит с удвоенной силой. Это его убаюкивало. Он засыпал с младенческой улыбкой, будто ему дали так горячо желанную игрушку.

33.

Олег Верчеенко заснуть не мог, он лежал на спине и смотрел в потолок комнаты. Его и соседская кровати были сдвинуты, а рядом, прижавшись к его груди щекой, спала Ольга Ласкис. Ему требовалась разрядка, и Ольга ее ему гарантировала. Они не то, чтобы углубились в какие-то отношения, просто обоим нужно было на что-то отвлекаться. Честно говоря, она ему даже не нравилась, но за неимением лучшего, приходилось довольствоваться тем, что имеешь под рукой. Никакой любви, никакой привязанности, никаких чувств, просто физическое удовлетворение потребностей.

Верчеенко посмотрел на посапывающую на его плече женщину. Она выглядела умиротворенно, спала на койке Корвина, который в последнее время не слишком-то часто навещал свою кровать.

Он снова уткнулся в потолок.

Корвин.

Они познакомились еще в университете. Верчеенко был доцентом технических наук, а Корвин... Корвин был молодым гением. В его голове постоянно рождались какие-то идеи. Эти идеи надо было направлять в нужное русло, он этим и занялся. Курировал одаренного студента, хотел помочь, усовершенствовать его талант, когда в один прекрасный момент понял, что его протеже обогнал его на повороте. Разница в возрасте была чуть больше десяти лет, но подающий надежды студент перескочил тот уровень, на котором находился его наставник, и умчался вдаль. Корвину все всегда доставалось легко. То, что у Верчеенко занимало огромное количество времени и усилий, он пролетал, не останавливаясь. Это был повод для гордости и зависти.

На веку у Верчеенко было огромное количество проектов. И этот далеко не центральный. Да он вообще был против этого проекта и всячески стремился его покинуть, но почему-то его до сих пор беспокоил и не давал уснуть тот факт, что чертов тумблер щелкнул не его палец...

34.

Акайо Инитаро мирно покачивался в кресле качалке у себя в комнате.

Прошедший день можно было назвать как победой, так и поражением. Проект был закрыт, вероятнее всего, но он работал, и, что немаловажно, демонстрация тоже была произведена. А сигнал отправлен в космос.

Его мало волновала финансовая часть или собственная нажива. Он хотел стать предвестником будущего, человеком, который приведет цивилизацию в новую эру. Это было намного важнее.

Геджани думал, что он назвал проект «Прикосновением», потому что хотел прикоснуться к неизведанному. Но он ошибался. Акайо не хотел прикоснуться к будущему, стать его частью, он хотел прикоснуться к истории, слившись с ней в одно целое. Будущее наступает с каждой секундой, оно важно. Но куда важнее прошлое. Он не хотел стать забытым. Многие его считали сумасшедшим, но многие провидцем. Акайо сам порой задумывался, а так ли далеки друг от друга эти две стези?

С этими мыслями он постепенно погружался в сон. В кресле-качалке. В одежде. Так и не приняв душ.

35.

Александр Корвин сидел на полу в мастерской, облокотившись спиной о стенку. Его окружали станки и роботы. Последние полгода он буквально жил в этом длинном высоком зале под шум работающих автоматизированных линий, электрического треска, и надрывающихся системных кулеров. Небольшой диванчик на входе в мастерскую заменил ему койку в собственной комнате. Он был слишком погружен в работу последние полгода. Так что проще было перенести дом на работу, чем сделать обратное. Зачастую с ним оставался Хартли, но сегодня шотландец решил спать в своих апартаментах. Корвина это, в общем, не слишком расстроило. Он входил в число тех людей, которые высоко ценят уединение. Оно способствовало мыслительному процессу, никто не отвлекал ни своими речами, ни громкими мыслями, ни просто надоедливым присутствием.

Почему он сидел на полу в мастерской вместо того, чтобы довольствоваться положенной и давно обещанной порцией сна? Ну, в его комнате Верчеенко, а он последнее время невероятно громок и склочен, к тому же он, наверняка, не один. Корвин не был уверен, но по станции ходили слухи, а слухи в таком тесном замкнутом пространстве сродни истине. Да, и его как-то не волновало взаимное пользование друг другом его коллег. Его не волновало даже то, что

таким образом Верчеенко лишал его спального места. Диван был удобнее, приятнее и безлюдней. Только он и машины. Идеальный баланс гармонии.

Он сидел на полу, потому что бессонница решила подобраться к нему именно сегодня, наталкивая на разные мысли: ностальгические и футуристичные. Сон, который накатывал на него волнами целый день (целые месяцы!) напролет, в самый ответственный момент затерялся где-то среди мыслей, одна из которых, что иронично, визжала где-то внутри черепной коробки Корвина: «Тебе пора спать, Саша!!!»

Однако мозг, как заведенный, переваривал события сегодняшнего дня. Словно старый диафильм медленно перешелкивал покрытые серой коркой древности слайды самоанализа и самокопания.

– Мне нужно чем-то заняться, – пробубнил себе под нос Корвин. – Нагнать сон и усталость.

Он оглядел свое рабочее место. Все в вечном беспорядке. Но хаос – только видимый: все на своих местах... в большинстве случаев. Проект закончен. Делать нечего.

Вдруг его взгляд упал на металлическую коробку, которую он притаранил с собой на станцию, и вскоре она вместе с ним перекочевала в мастерскую. Он встал и подошел к ней. Как ни странно, за полгода он так ни разу не воспользовался...

– Что это?

Корвин знал этот любознательный, пока еще не набравший будущей силы и грубости, голосок.

– Ты почему не спишь, Питер?

Мальчик тихо вошел в мастерскую, закрыв за собой дверь.

– А ты?

– Резонно... – вздохнул Корвин.

– Так что это? – мальчик подошел ближе, чтобы разглядеть коробку. – Я уже видел эту коробку, но и понятия не имею...

– Отец тебе не рассказывал?

– Ну... – замялся он. – Может быть...

Корвин растянулся в улыбке. Питер прекрасно знал, что перед ним лежит.

– Хочешь посмотреть?

Глаза мальчика торжествующе загорелись.

– А ты как думаешь?

Корвин снял коробку со стола и поставил на пол. Затем приложил большой палец левой руки к холодной плоскости, которая тут же подсветилась голубоватым светом.

– Идентификация по отпечатку? – восторженно спросил мальчик.

– Не только. Сканер берет пробу ДНК и проверяет струиться ли по сосудам внутри моего пальца кровь. Иными словами, считывает мое сердцебиение.

– Зачем?

– Вдруг мой палец здесь окажется отдельно от меня.

– А-а-а, – протянул Питер. – Фу! – он скорчил наигранно брезгливую мину.

Корвин щелкнул на сенсорном дисплее подсветившееся зеленым слово «INPUT». Коробка пискнула и начала раскрываться, словно цветок, раздаваясь в стороны. Мальчик заворожено наблюдал за коробкой, которая за несколько секунд перестала быть таковой. Теперь это был в человеческий рост закрытый экзоскелет, обтянутый плотной кевларовой тканью, что придавало ему схожесть с костюмом.

– За исключением черепной коробки и ребер, протекающие внутри костюма металлические вставки имитируют каждую кость человека. Тут все на приводах.

Мальчик рассмотрел блестящие системы штырьков, большинство из которых находились под кевларовым покрытием.

– Много энергии есть? – Питер привстал на носочки, чтобы заглянуть внутрь через верхний разрез, но Корвин одним резким движением раскрыл костюм.

– Меньше, чем мы думали...

– Тут везде датчики! – восторженно воскликнул мальчик, осматривая блестящие внутренности костюма на основе экзоскелета.

Большинство внутреннего «мяса» было вшито в мягкую подкорку, чтобы не создавать дискомфорт владельцу, но сами датчики должны были примыкать к телу. Они растекались бесконечной сетью по всему костюму, будто нервная система. По сути, они ею и были.

– Так и есть. Они реагируют на малейшее движение человека внутри и костюм его молниеносно выполняет.

– Задержка большая?

– А ты со своим отцом времени зря не теряешь, – усмехнулся Корвин. – 0,01 секунды.

– Ничего себе!

– Приятно слышать.

– А пальцы?

– С ними было сложнее всего. Самые маленькие детали и одни из самых больших нагрузок. И тактильные датчики! Ох, мы с ними намаялись. Их нужно было минимизировать и защитить от внешних воздействий. Это удалось – костюм противоударный, водоотталкивающий, не горит в огне, не подвержен распаду при воздействии со многими химикатами и радиацией.

– С ума сойти, – восхитился мальчик. – Только вот...

– Что только вот?

Питер оглядел костюм со всех сторон.

– Цвет не очень, – сказал он, ощупывая светло-серую блестящую поверхность костюма. – Как будто его ободрали в каких-то военных действиях. Не хватает только ржавчины.

– Ну, уж извини, – Корвин развел руками. – Времени на покраску не было.

Мальчик кивнул и продолжил:

– Но сейчас-то есть.

– Да, но краска...

– Алекс, – перебил его Питер. – Неужели ты думаешь, что мы не найдем на одной из самых современных станций в мире немного краски?

Через пятнадцать минут они, вооружившись баллончиками из личных запасов профессора Кастора, красили экзоскелет. Они водили аэрозолем сверху-вниз и слева-направо, примерив амплуа маляров-дизайнеров, пока костюм не принял свой боевой раскрас. Наполовину черный, как вороново крыло, наполовину темно-синий, как вечернее северное небо.

– Так-то лучше, – сказал Питер, отойдя чуть назад, чтобы оценить работу со стороны. – Жалко не было ярких красок...

– Это же не Феррари...

– Да, – мальчик устало зевнул. – Феррари далеко до него...

– Да уж, – подтвердил Корвин.

Он вдруг почувствовал усыпляющую усталость. Наконец-то, сон решил взять свое, и Корвин был этому несказанно рад.

36.

Уэлен Хартли спал, словно подкошенный, поперек своей кровати. Он слишком устал за прошедший день, чтобы беспричинно бодрствовать.

Дверь

37.

– Он меня уже достал! – Корвин быстро перебирал по ступенькам, поднимаясь на крышу станции.

Верчеенко следовал за ним, но так быстро, как это удавалось его компаньону, у него не получалось. Он безнадежно отставал. Физическая форма, в которой он себя старался держать, серьезно уступала форме Корвина.

– Саша, да успокойся ты! – пытался вразумить его Верчеенко. – Он просто такой тяжелый человек...

– Я уже восемь месяцев терплю его издевки, подколки, шуточки, истерики и крики, Олег. И знаешь что? – он остановился и развернулся к Верчеенко так, что они оказались лицом к лицу. – С меня хватит. Ищи кого-нибудь другого.

Последние слова были произнесены без яростного запала или возбуждения. Они были обдуманными, твердыми и травмирующе спокойными. Верчеенко понимал, что Корвин уже все решил. Теперь в нем говорили не только раздражение, ярость и обида, но и холодный расчет, а с ним и логикой спорить уже было сложнее.

– Саш, ты не можешь уйти, – как можно спокойнее, ответил он. – Контракт. По нему мы приписаны к Мастерсону и будем работать с ним, пока проект не подойдет к концу. Так что не стоит разбрасываться ничем не подкрепленными угрозами, которым не суждено сбыться.

Корвин улыбнулся: Верчеенко был умен, но не всегда умел смотреть дальше своего носа, как, например, сейчас. Уверенность в том, что он все просчитал и продумал, его часто подводила.

– Поправка, – спокойно произнес он, снова начав подниматься вверх по лестнице, но уже не так быстро, чтобы собеседник мог не надрываться, стараясь успеть за ним. – Это ты подписал контракт с Мастерсоном. Я же, как твой помощник, подписывал контракт с Геджани.

– То есть? – во рту у Верчеенко пересохло.

– Ты жестко прикреплен к проекту Мастерсона, как его вторая скрипка. А я прикреплен к Титлину и не обязан ограничиваться проектом Мастерсона.

Верчеенко отступил на шаг назад, словно не веря своим ушам.

– Ты серьезно думаешь, что тебя кто-то возьмет в свой проект? – прошипел он. – Ты приехал сюда, как довесок, запасная деталь. На станции есть только один человек, который возьмет тебя в проект. И это я!

Корвин, молча, дослушал, попутно кивая на каждое слово своего оппонента. Олег выбрал не самую подходящую тактику принижения его заслуг и способностей, чтобы оставить своего компаньона подле себя.

– Вообще-то, – вздохнул Корвин. – Меня уже приняли в проект.

– Что? – Верчеенко не на шутку перепугался: такого развития событий он не ожидал. – Куда?

– Совместный проект Инитаро и Кастора. Им не помешают мои мозги и навыки.

Верчеенко растекся по широким мраморным перилам. Это был удар ниже пояса. Его помощник возвращался к япошке, от которого с трудом удалось отделаться.

– Ты не можешь...

– Почему?

– Ты мне должен! – вскрикнул он. – Если бы не я – тебя бы здесь не было!

– Согласен, – спокойно произнес Корвин. – Вот только если бы не я, не видать тебе мирового признания.

– В смысле?

Корвин подошел к Верчеенко поближе, чтобы понять, действительно ли он ничего не понимает или притворяется.

– Ты серьезно такой самовлюбленный или просто убедил сам себя?

Верчеенко ничего не ответил. Он просто потупил взор, как нашкодивший ребенок, которому пришлось отвечать за постриженного кота директора.

– Я больше не буду работать с Мастерсоном, – очень медленно, выговаривая каждое слово, прошептал Корвин. – И, знаешь, с тобой я тоже больше не буду работать. Заканчивай проект без моей помощи. Посмотри, на что ты способен. Это хорошая проверка твоих способностей. Удачи.

С этими словами он развернулся и выскочил на крышу станции, оставив Верчеенко наедине с самим собой.

38.

– Нам нужно снять отсюда эту штуку, – Хартли почесал затылок. – Это будет сложно...

– Мы ее сами сюда вешали, Уэлен, – Корвин оглядел самую высшую точку станции: прикрепленную к шпилью антенну профессора Акайо. – Смогли повесить, сможем и снять.

– Да, – Хартли лукаво улыбнулся. – Но в прошлый раз она ждала нас уже на крыше, и у нас был транспортер, а теперь работать придется вручную. Ребята из группы Хаггарта забили транспортер еще до нас, а ждать его долго придется. Плюс спуск, знаешь ли, не всегда проще подъема.

– Это как понимать?

– Ну, – Хартли пожал плечами. – Подъем – полностью под твоим контролем, а вот спуск – зачастую стихийное мероприятие.

Корвин снова оглядел конструкцию. Восьмиметровая антенна плотно закреплена на шпилье, разработанном проектировщиками здания специально для таких нужд. Внизу под навесом стоял генератор, антенна сужалась к верху, где распадалась на семь сегментов, направленных в небесам. Будь сегменты чуть шире, ее можно было бы спутать с футуристическим цветком с другой планеты. По краям антенны, словно шипы, торчали приваренные скобы, предназначенные для подъема на верхушку – импровизированная лестница в небо. На каждом метре с обратной стороны от скоб была прикреплена небольшая – размером с тостер – коробочка – усилители сигнала, каждый усиливал сигнал почти втрое от предыдущего и так далее по геометрической прогрессии. Установка довольно размашистая, но, если посчитать, какой мощностью она обладает, то ее габариты оправдывались с лихвой. Крыша сама была сконструирована как огромная телевизионная тарелка, так что в дополнительной антенне не нуждалась. Как только человек выбирался на крышу, он уже оказывался на блюде из сигналов, так что, во время массовых работ ее предпочитали отключать.

В прошлый раз, когда они с Хартли устанавливали аппаратуру, на улице было довольно прохладно и дул неприятный пронизывающий ветер – все-таки конец осени. Теперь условия были более чем щадящие, середина июля и комфортные двадцать пять градусов по Цельсию. Проблемой являлись разве что комары и мелкая мошкара, старающаяся залететь в самые интимные и труднодоступные места, мерзко прилипая к телу и вызывая зуд. Для работы на высоте – не слишком-то приятно и безопасно. Однако, мелкие неудобства никогда не пугали ни одного, ни второго.

– Есть идея, – вдруг произнес Корвин.

Хартли расплылся в широкой улыбке.

– Сдается мне, Алекс, мы думаем об одном и том же.

39.

– И не жалко тебе? – спросил Кастор.

Акайо с грустью смотрел за тем, как рабочие разбирают и грузят консоли на небольшой погрузчик. Они делали это очень аккуратно, как и подобает относиться с дорогостоящей техникой, но его все равно не покидала щемящая ностальгическая печаль. Проект больше полугода пробыл в одном из экспериментальных залов, коих на станции было много, и вот, наконец-то, когда старый удобный зал вновь понадобился, нашел свое место на родном Титлине. К сожалению, этим местом оказалась кладовая.

– Чего жалеть-то?

– Все-таки твой проект...

Акайо вздохнул. Погрузчик, водрузив на себя консоли и бесчисленные метры кабелей, отправился восвояси. Он увозил кусочек его жизни, кусочек памяти.

– Это все в чулан направляется, – наконец, ответил он. – А не на помойку или переработку. Там все будет храниться до поры до времени. Пока не понадобится мне, тебе... или еще кому-то...

– Но тебе все равно грустно...

– Ну, разработка не пропадет. Какие-нибудь умники, которым инвесторы отдадут наши чертежи, модернизируют систему. Возможно, она станет меньше и появится специальная платформа для кофейной чашки, но... Обидно, что прототип будет всеми забыт.

– Все старое остается в прошлом, Акайо, – Кастор мягко потрепал японца по плечу. – Иначе оно бы не было старым.

К ним подошла Ласкис, которая все это время контролировала работу погрузчика, свертывая технику с бумажками в своей папке – работа неблагодарная, но, с точки зрения бюрократа, необходимая. Она заметно похудела и побледнела: нервотрепка и часы, проведенные в замкнутом помещении за мониторами, не способствовали улучшению здоровья. Хотя первым она, скорее всего, гордилась.

– Они все забрали, – улыбнулась она. – Зал готов к дальнейшей работе.

– Спасибо, Оля, – произнес Кастор, и девушка, удовлетворенно кивнув, вышла вслед за рабочими.

Кастор проводил ее взглядом. Мешковатые джинсы и просторная майка ей даже как-то шли, а маленькая поясная сумка добавляла какую-то деловитость. Эти вещи, конечно, не подчеркивали ее фигуру, обтягивая тело и демонстрируя каждый изгиб в тоненькой упаковке, но они интриговали, побуждая фантазию к действию.

– Умная девочка, – произнес он и тут же снова повернулся к Акайо. – А где Хартли? Почему он тебе не помогает?

Акайо заговорщицки улыбнулся – его настроение, наконец-то, менялось.

– А он помогает. Он снимает антенну с усилителями, – Акайо сделал паузу. – И он не один. Я приписал к проекту еще одного человека.

– Да, ладно! – наигранно воскликнул Кастор. – И кто же сей счастливцев?

– Корвин.

– Корвин? Помощник Верчеенко? – профессор непонимающе посмотрел на японца. – Думал, они неразлучны...

Японец задумчиво зевнул и продолжил.

– Я тоже, – он открыл перед другом дверь, ведущую в коридор, и пригласил пройти первым.

– Он хороший работник, – недоумевая, произнес Кастор. – От чего такой ажиотаж. Тем более, что у тебя есть Хартли. Ты ведь просто получил лишние руки, а говоришь так, будто сам Ньютон восстал из мертвых, чтобы приступить к работе в нашем проекте...

Акайо вышел вслед за профессором, и дверь мягко закрылась. Они оказались в широком коридоре, по которому туда-сюда сновали погрузчики и люди – обыденный рабочий процесс. Многие из них даже не удосуживались оторвать голову от планшетов, книг или тетрадей, с головой укутавшись одеялом со сладким названием «инженерные изыскания».

– Он не совсем, как ты выразился, лишние руки, – протянул он. – Я имел удовольствие работать с Верчеенко и с ним. И, знаешь что?

Кастор прошел рукой по густой короткой бороде, словно проверяя, не пропала ли она и, пожав плечами, переспросил.

– Что?

– Верчеенко, по крайней мере, в моем проекте был практически незаметен. Нет, он не глуп, способен развить идею, отутюжить нюансы. Но... Он вносил много предложений, по большей части либо бессмысленных, либо недальновидных. Он копошился, старался, однако... Основную работу делал Корвин. Этот парень умнее, чем кажется. Корвин сделал семьдесят процентов работы. Половина идей принадлежала ему. У него очень пытливый мозг. Поверь, не знай я, кто из них, кто, я бы подумал, что Корвин – это Верчеенко, а Верчеенко – это Корвин.

– То есть, – вполголоса произнес Кастор. – Ты думаешь...

– Я не хочу злословить по пустякам, – перебил его Акайо, пропуская вперед парня с грудой тяжелых коробок. – Но Верчеенко вырастил очень талантливого протеже, чьи мозги могут очень сильно понадобиться в нашем проекте...

40.

– Слился твой Корвин? – Мастерсон, не церемонясь, стряхнул со стола все лишнее.

На пол полетели бумаги, мелкая электроника и канцелярия. Американец последнее время был не в духе: проект упорно стопорился, а сроки поджимали. За это попадало всем подряд: от прямых подчиненных до случайных людей, оказавшихся не в том месте и не в то время. Даже Геджани не слишком рвался узнавать, нюансы его работы и ее сроки, оставляя проект на потом и предпочитая посылать к нему с расспросами своих подчиненных.

– Не нужно было ему мозг выносить, – ответил Верчеенко.

– Ой, какие мы нежные, – Мастерсон разложил на освободившемся месте чертеж и повернулся к Верчеенко. – Я уже замену ему нашел, – он кивнул на копошащегося в углу комнаты худого высокого паренька.

Тот повернулся и помахал Верчеенко. Его лицо было изъедено рытвинками, а волосы были слишком светлыми. Казалось, его голову окружает светящийся ореол. Если бы Мастерсон не сказал про этого парня, Олег бы его, наверное, и не заметил, как, к примеру, стул или батарею.

– Игги, это мой коллега – Олег Верчеенко.

Паренек быстро, словно собачка, подскочил к Верчеенко и, быстрыми движениями вытерев руки о лабораторный халат, протянул одну из них. Олег снова оглядел парня с ног до головы. Ближе он выглядел еще более тощим и высоким. Лицо оказалось заполненным бесцветной щетиной, которую можно было найти, только прикоснувшись к его узкому подбородку. Верчеенко перевел взгляд на протянутую руку. Запястье при желании можно было охватить двумя пальцами руки – большим и указательным, а сами пальцы были тонкими и длинными, как у Спилберговского инопланетянина. С такой лапой ему нужно было играть в баскетбол, если, конечно, запястье не переломилось бы под тяжестью мяча.

Игги, смутившись, убрал руку за спину, будто собирался отрубить ее, как только на него перестанут обращать внимание.

– Ты можешь вернуть Корвина? – обратился он к Мастерсону.

– Что ты так привязался к этому Корвину? – рявкнул он. – Друзья? Дружите! На одной станции находитесь как-никак! Он нашел себе занятие. А ты закончи свое дело. Тем более что замену Корвину я нашел.

Мастерсон отвернулся к чертежам, давая понять, что не хочет продолжать дальнейший разговор. Игги поспешил удалиться в тот угол комнаты, из которого он на время выполз, и сделать вид, что он неописуемо сильно занят, давя уязвленное эго тисками самобичевания.

– Ты даже не понимаешь, насколько это не равнозначная замена, – громко, чтобы быть услышанным, вздохнул Олег и направился к своему рабочему месту.

41.

С высоты конечника антенны был отличнейший вид на бескрайнюю тайгу. Хартли, конечно, и раньше видел зеленые леса, ровным слоем покрывающие земную поверхность. Чего только стоила его родная деревушка под Эбботсфордом¹⁸, местом жизни и смерти любимого

писателя детства Вальтера Скотта. Но чтобы они уходили вдаль за горизонт во все стороны, покрывая редкие холмы, сливаясь с небом – такого ему видеть не доводилось. До этого момента он никогда не видел такого плотного зеленого ковра, такого насыщенного перелива зеленых оттенков. При упоминании Сибири люди всегда представляют снег, суровых мужиков в ушанках и каторгу, но никто не говорил, что здесь так баснословно красиво и... жутковато.

– Не хотел бы я здесь заблудиться в одиночку, – крикнул он, прикрепляя страховочный трос к антенне.

Перед тем, как отсоединять антенну, нужно было снять усилители сигнала. Их было семь: находились на расстоянии одного метра друг от друга. Последний крепился сверху, как наколечник. С него-то и решено было начать, спускаясь вниз и снимая остальные по пути.

– Страшновато? – выкрикнул Корвин откуда-то снизу.

– Люди, когда заблудятся в лесу, стараются найти самую высокую точку и, забравшись на самый верх, хотя бы приблизительно понимают, куда им нужно топать. Налево. Направо. Прямо. Понимаешь, люди всегда ищут ориентир глазами. А здесь, – он снова окинул взглядом местность. – Здесь, если ты заберешься наверх, тебя ждет чувство неизбежного угнетения и разочарования. Это, как оказаться, в хлипкой резиновой лодке с тигром посреди Тихого океана¹⁹.

– Любишь ты преувеличивать...

– А ты преуменьшать.

Хартли выдернул штекер из усилителя и вытащил заранее подготовленный ключ из отверстия в рабочем ремне.

– Ты готов там? А то, знаешь, я ведь, как только откручу эту штуку, удержать ее не смогу...

Он посмотрел вниз.

Корвин был готов. Его тело плотно облегал кевлар, выкрашенный в черный и темно-синие цвета. Он попытался наклониться – удалось без проблем: кевларовая ткань изящно натянулась, но не издала и малейшего звука. Сел. Сделал мельницу руками. Махнул ногой. Другой ногой. Проблем вроде не возникало. Экзоскелет слушался его, как собственные тело. Он был второй кожей, вторыми мышцами, вторыми костями, сухожилиями и суставами.

– Ты похож на Бэтмэна, Алекс, – усмехнулся Хартли. – Костюмчик под стать. Не хватает только плаща, маски и голоса, как у тестостеронщика после ангины.

– Я здесь²⁰, – проговорил Корвин нарочито очень низким и хриплым голосом.

Хартли, усмехнувшись, удовлетворенно кивнул и поднял вверх большой палец.

– Ну, прожектора с летучей мышью у меня нет, но мне бы понадобилась твоя помощь...

– Ты там только держись.

Корвин подхватил моток стягивающих лент с карабинами и прыгнул вверх. Результат превзошел все ожидания Хартли. Его товарищ одним прыжком без особых усилий оказался чуть выше середины антенны – а это метров четыре-пять! Антенна чуть пошатнулась, но пристегнутый к ней страховочным тросом инженер без проблем удержался на верхушке. Через несколько секунд Корвин был уже около него и, обвязав усилитель, чтобы тот не полетел вниз из-за их нерасторопности, придерживал его одной рукой.

– Я думал, пальцы в нем у тебя работают намного медленней, – сказал Хартли, косясь на руку, которой Корвин держался за антенну.

– Задержка ничтожно мала, – пояснил Корвин. – Я в этом костюме мог бы на пианино играть, если б умел.

– А тактильность²¹? Она сильно страдает?

– Нет. Конечно, она не так сильно высока, как, скажем, если бы я был без перчаток, но, – он перехватил отвинченный усилитель и перекинул стягивающую ленту через плечо так, чтобы

усилитель грузом висел у него за спиной. – ... ткань на ладонях очень плотная, но при это очень тонкая. В полтора раза тоньше, чем целлофан, – он показал Хартли свободную ладонь.

Черная гладкая ткань плотно обтягивала внутреннюю часть ладони. Казалось, что его ладонь просто густо закрашена черной краской. Металлический штырьки, материал потолще и грубее окружали тыльную часть. Хартли готов был поспорить, что разглядел даже те складки, которые гадалки-шарлатанки на городских ярмарках именуют линей жизни и еще, Бог знает чем.

– Откуда такая ткань?

– Кастор посоветовал. Одна из его разработок.

– Йосси? Так ты еще и модернизируешь свой костюм?

– Постоянно. Вот с сыном твоим его покрасил. Перепрошил ПО. Ну, а недавно таким вот способом увеличил тактильность.

– Ах, ты ж хитрый лис! – воскликнул Хартли.

Они спустились ниже и, повторив ритуал обвязывания, начали откручивать очередной усилитель.

– Зараза, – прошипел Хартли. Пот неустанно струился по его лбу. – Заржавело крепление.

– Еще бы. Оно тут уже три четверти года. Пережило зиму и весну. В Сибири, прошу заметить! А это что-то, но говорит о надежности нашей работы.

Хартли снова попробовал крутануть упертый винт, но гаечный ключ сорвался, и тот болезненно ударился о штырь, заменяющий лесенку.

– Твою же! – прошипел он и отогнулся назад, повиснув на карабине и держась здоровой рукой за усилитель.

– Что там? – Корвин был ниже и всей картины не видел.

– Да, долбаный ключ! – прокряхтел Хартли.

– Давай, я все сделаю – костюм здесь далеко не помеха, скорее подмога.

– Нет уж, – усмехнулся Хартли. – Я еще вполне...

Он не успел договорить, как повывавший время язычок карабина, не выдержав напора, сломался, и вся страховка Хартли полетела в тартарары. Он успел схватиться за усилитель, который тут же накренился вниз, держась на одном-единственном последнем ржавом винте.

– Твою мать, Корвин! – выкрикнул он.

Тот попытался схватить друга, но антенна неожиданно накренилась, и Хартли дернуло в сторону от него. Злосчастный винт не выдержал и с жалостливым металлическим лязгом лопнул, переломившись пополам. Хартли, вцепившись в оторвавшийся усилитель, как доберман в свою жертву, на секунду почувствовал невесомость, но потом в бок что-то уперлось. Корвин, прыгнув вслед за ним, моментально подхватил его, как муж берет на руки новоиспеченную невесту. Потом Хартли почувствовал чуть заметный толчок.

Он сидел на руках у Корвина, все еще держась за проклятый усилитель обеими руками, и смотрел на поверхность крыши, которая теперь была значительно ближе, чем несколько секунд назад.

– Приехали, Уэлен, – произнес Корвин и осторожно опустил его на землю.

Уэлен отряхнулся, посмотрел на усилитель, который сначала подставил его, а потом, возможно, спас жизнь, замедлив неминуемое падение.

– Хорошая амортизация²² у тебя, – выдавил он. – Приземления я практически не почувствовал. И эту штуку у вас никто не купил?

– Ну, сильно упрощенный и удешевленный вариант сейчас используется для нужд армии. Один образец есть у Олега, но он его не улучшал. А такого образца, как у меня – нет ни у кого. Он – уникален и наиболее модернизирован.

– Приятно слышать.

– Может, дальше я сам, – Корвин кивнул на антенну. – Или ты хочешь продолжить. У меня есть второй доисторический карабин и старенький гаечный ключ.

– Нет, – поспешил отказаться от такого предложения Хартли. – Я, пожалуй, снизу посмотрю. После таких полетов не мудрено заполучить кучу фобий.

42.

Игги на самом деле был шведом. Многие думали, что он какой-нибудь там канадец, или американец, или, в конце концов, натурализованный американец, как, например, Мэл Гибсон²³. Все было намного проще: Игги – родился и вырос в столице Швеции – Стокгольме. А вот учеба его прошла в Массачусетсе – в том самом знаменитом институте технологий²⁴. Там он усовершенствовал свой английский и практически избавился от акцента. Скандинава в нем выдавали только светлые, как спелая рожь, волосы и иноземное, чуждое нежному американскому слуху, имя Ингмар Торельсон, которое он поспешил сократить до благозвучного и простого для запоминания Игги.

Пожалуй, он один из немногих не мог заснуть в эту ночь. Его мозг буравила одна треклятая мысль: он не сможет ответить высоким требованиям Мастерсона и Верчеенко. И дело тут совершенно не в знаниях Игги, а в его тотальной неуверенности в себе. Мастерсон славился своим склочным характером и ненавистью ко всем, кто глупее его, и еще большей ненавистью ко всем, кто умнее. А Верчеенко так привязался к своему подручному, что сразу становилось ясно – его внимание и благодарность будет требовать титанических усилий. И все бы было нормально, если бы Игги точно знал, что он лучше предыдущего помощника, или хотя бы является равносильной заменой. Но об этом русском по станции начинали ходить не многозначные слухи, его сравнивали даже с самим Верчеенко. А тогда на него, Игги, ложился двойной груз ответственности.

До двух часов ночи он переворачивался с одного бока на другой, пытался нагнать на себя сон, даже отжимался и приседал, но предательский сон совершенно не лез в его голову.

Игги, измучившись в конце, сполз с кровати и, натянув плотные холщовые штаны и узкую, обтягивающую худые ребра, майку, вышел из комнаты.

– Попробую нагулять сон, – вздохнул он и поплелся по коридору.

Станция была большая, и ему потребовалось минут десять, чтобы, побродив по безлюдным коридорам, покинуть жилой сектор.

Он около часа блуждал по парковой зоне, но запахи листвы и цветов скорее будоражили его мозг, как глоток кофе, нежели усыпляли сознание. Столовая умудрилась пробудить в нем аппетит, он стянул шоколадку из навороченного автомата, недалеко от зоны отдыха и тут же ее съел. Заниматься спортом ему не хотелось, а видеоигры наскучили уже через пятнадцать минут после включения.

Тогда Игги решил посетить лабораторию Мастерсона. Он спустился на несколько уровней пока не дошел до нужной двери. Несколько секунд поразмыслив, он дернул ручку, но дверь не поддавалась.

– Великая паранойя Мастерсона, – грустно улыбнулся Игги. – Звучит, как название синдрома.

Наверняка, дверь открывалась биометрическим отпечатком пальца Мастерсона или Верчеенко. Лаборант такой привилегии пока не удостоился. В любом случае, ночью тут ловить было нечего.

Он грустно поплелся назад.

Поднявшись выше, туда, где располагались испытательные залы и ангары, Игги вдруг вспомнил, что профессора Кастор и Инитаро для своего проекта сняли целый зал. Они его вычищали весь предыдущий день. Но его больше интересовали не они, а их подопечный. Этот русский... как его... вроде на «К». Ему вдруг захотелось посмотреть, над чем работает его соперник. Да, именно соперник – так Игги теперь позиционировал своего предшественника.

Он направился к нужному ангару.

– Конечно, ангар может быть закрыт, – сказал Игги сам себе. Он вообще часто разговаривал сам с собой, особенно, когда волновался. – Да, это вполне возможно. И кто сказал, что они уже ввезли оборудование? Но... попытка не пытка.

Наконец, он добрался до нужного зала. Перед ним нарисовались две створки огромных гаражных дверей, внутри которых находилась дверь поменьше, чтобы каждый раз не дергать большие. Он подошел к двери и повернул ручку. К его немалому удивлению она поддалась. Дверь не стали ни запирать, ни ставить под защиту АСУПИ, хотя она, почти наверняка, обладала внушительной электронной начинкой. Он дернул ее на себя и, озираясь по сторонам, словно какой-то злоумышленник, проскользнул внутрь.

Раньше такие залы Игги видел только сверху со смотровой платформы. Снизу он показался ему еще больше. К его сожалению, зал, погруженный в тусклый лунный свет, проникающий сквозь небольшие потолочные окошки, оказался пустым. Очистить успели, а вот завести что-нибудь новенькое – нет. Неудивительно, что двери не стали запирать: пока оборудования не было – это простая комната для работы. Он разочарованно вздохнул и развернулся к двери.

Как вдруг услышал удар.

Он замер на месте и напряг уши.

Удар повторился. Звук был такой, словно кто-то шмякнулся головой о стену с разбега.

Игги повернулся. Звук доносился откуда-то из центра зала.

Он осторожно, постоянно оглядываясь, пошел вглубь зала, стараясь разглядеть в сумраке источник шума.

Удар снова повторился. Уже намного ближе и... выше.

Он поднял голову и сощурил глаза, надеясь, что это поможет ему ориентироваться в полутьме. Ничего не было видно, словно звук появлялся прямо из воздуха.

Бах!!!

Игги аж присел от неожиданности. Удар прогремел прямо у него над головой в метре или двух. Он поднял голову, но снова ничего не увидел.

Бах!!

Теперь Игги был уверен, что звук исходит из пустоты над его головой, но не мог понять откуда. Он отошел в одну сторону, чтобы рассмотреть невидимый источник звука в иной перспективе, потом в другую, не сводя глаз с того места, откуда, по его мнению, доносился шум.

Наконец, стуки прекратились.

Игги начал обходить по кругу злосчастное место. И вдруг остановился. Перед ним, словно по волшебству, оказалась дверь. Обычная металлическая дверь, какие ставят в дом, чтобы туда не забрались воры. У нее была обычная плоская ручка. Обычная крашеная черная поверхность. Игги готов был поспорить, что, прикоснись он к ней, она бы оказалась совершенно обычной на ощупь. Необычным в ней было лишь одно: она висела в воздухе в трех-четырех метрах над землей.

Игги так и стоял с открытым ртом, глядя на дверь, как фермер на НЛО, похищающего его лучшую дойную корову.

Бах!!!

Донесся до него очередной, после затишья, удар. Вне всяких сомнений, он был нанесен с другой стороны.

Бах!!!

Игги испуганно отшатнулся.

Бах!!!

Темп ударов возрастал. Кто-то, будто почувствовав, что его слышат, непременно хотел попасть внутрь или... вырваться наружу.

Бах!!! Бах!!! Бах!!!

Игги не выдержал и закричал.

43.

– Чем вы вообще занимались? – Ифран Геджани раздраженно потер пальцами переносицу.

Его подняли с кровати около часа назад, и он этому определенно не радовался. Он сидел за маленьким кофейным столиком в зале отдыха. Около него на диванчиках расположились профессора Инитаро и Кастор, чуть поодаль сидел Уэлен Хартли, Корвин стоял около него, облокотившись о стену. Все они были раздражены не меньше Ифрана и выглядели слегка помятыми, в основном, из-за того, что проснулись они минут десять назад.

– В смысле, Ифран? – переспросил Акайо. – Ты же знаешь наш с Йосси проект. Все те же сигналы...

– ... мощные, чтобы попадать в труднодоступные места и обходить глушилки... – закончил за него Ифран. – Я в курсе. И это все?

Кастор и Акайо удивленно переглянулись.

– Это наш проект. Других нет, – подвел Акайо. – К тому же мы этот-то начать не успели.

Ифран снова потер переносицу: мозг все еще желал отдыхать – нужно было его разгонять для последующей работы. Но это было делом необходимой важности – таких инцидентов у него еще не проявлялось, и он бы хотел, чтобы и не проявилось.

– Вы тоже ничего не делали? – он посмотрел на Хартли и Корвина.

– Мы вчера только уборкой занимались, – ответил шотландец. – Без ЧП, конечно, не обошлось, но ничего фатального не случилось. А в чем, собственно, дело?

Геджани понимал, что эта четверка ни при чем. Он это понимал еще до того, как их разбудили и вызвали сюда. Он это понимал, еще когда стоял посреди зала испытаний. Он вызвал их сюда, скорее чтобы убедиться или даже в надежде, что все, что твориться на станции, до сих пор у него под контролем. Тогда в голове маячило полуживое, затюканное и забитое в угол «а вдруг», сейчас оно потухло насовсем.

– Слушай, – вмешался Кастор в разговор. – Что случилось? Я вижу, что что-то серьезное, но ты не даешь конкретики. В чем нас обвиняют? В халатности? Кто-то пострадал или нанесены какие-то убытки по нашей вине? Мы чего-то не заметили?

Геджани грустно улыбнулся. В голове пронеслось печальное «если бы»...

– Такое... – он покачал головой из стороны в сторону. – ... сложно не заметить.

44.

– Это потрясающе! – вопил Акайо.

Казалось, японец находился на вершине своей восточной нирваны. Он восторженно бегал вокруг двери, как ребенок со свежеподаренной игрушкой.

– Вы знаете, что это такое? – Геджани ожидал немного другой реакции, как, например, у Хартли, Кастора или Корвина, которые стояли напротив двери с выпученными глазами и раскрытыми от удивления ртами. Или, как у него самого несколько часов назад, когда он находился на их месте.

Акайо же отреагировал не совсем так, как он ожидал. Точнее совсем не так. Удивлением японец пренебрег уже в первые несколько секунд. Оно с невероятной скоростью сменилось искренним детским восторгом, какой-то больной щенячьей радостью при виде хозяина. Это настораживало.

– Понятия не имею... – прошептал Кастор.

– А он, – Геджани кивнул на Акайо.

– И он тоже...

– А почему тогда...

– Понятия не имею...

Хартли пихнул Корвина, будто он мог разобраться в ситуации лучше него самого, в плечо и кивнул на дверь.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Ну, формально – это дверь, – промычал он. – А так...

– Я сам вижу, что это дверь, – перебил его Геджани, встряв в их разговор. – Вот только она висит в воздухе и видна только с этой стороны...

– Вы почти правы!

Все разом обернулись к Акайо, который начал успокаиваться после своей бурной радости. Он, наконец-то, остановился. Маска сумасшедшего ученого под ЛСД постепенно начала сплывать с его лица, оставив место серьезному рациональному человеку.

– Это, – он указал пальцем на дверь. – ... ответ.

45.

– Что случилось? – Верчеенко привстал на локтях, чтобы видеть Ольгу.

Она быстро натягивала на себя шорты и рабочую рубашку. Олег поймал себя на мысли, что она изрядно похорошела с момента их знакомства. Он даже удивился, как он не заметил сразу, что округлости приняли аппетитный вид. Отпускать ее уже хотелось все меньше. В нем пробудилось животное желание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.